

СТОЛЬКО ЛЕТ...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВАСИЛИНА ШАУРИНА

18+

Василина Шаурина

Столько лет... Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63383153

SelfPub; 2020

Аннотация

За все в жизни приходится платить, и порой очень много. Сможет ли Алиса оплатить свои "долги"? Содержит нецензурную брань.

Василина Шаурина

Столько лет...

Книга вторая

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1

Руслан

Увидев Степку в комнате свиданий, не был удивлен, знал, что Санька не даст мне здесь загнуться. Как только меня отправили на зону, свидание вытребовала, сказала, что сестрой приходится. Я, пожалуй, тогда впервые увидел ее в бешенстве. Сашка прям кипела в своем желании стереть Загрязскую с лица земли, на эмоциях так и выдала: «Увижу ее, за душу собственным руками! Как она посмела сотворить это с тобой???!». А на прощание сказала, что Степку найдет и все ему подробно передаст: что со мной, и где я.

А Степка, брательник мой, это вообще, конечно, сила. Связи, возможности, ну, и не без родства определенного. У Степиного младшего сына крестным был не кто-нибудь, а прокурор. Глядя на брата сейчас, я начал с особой силой ощущать свою несостоятельность. Раньше это было стремлением быть вровень со старшим, достигнуть определенной планки, стать значимым в спорте. После спорта пошел в бизнес, планы были. «Да, были», – горечью растекается в созна-

нии и душе.

Я сейчас, как пацан малолетний, сидел перед ним и едва не краснел. Взгляд-то уж точно выдержать был не в силах, зная, насколько сильно я налажал. Ебать! Мне 27 лет! А меня за член водили, как сопливого задрота-ботана.

Брат вытащил меня. Недели через две выпустили, Степка сказал, что дело отправили на дорасследование. С меня же все обвинения сняты. Он сам забирал меня из тюрьги со словами:

– Родители не в курсе, поэтому сделай так, чтобы никогда не узнали. Не встречай больше никуда!– пригвоздив к сиденью взглядом.

– Степ, спасибо,– стиснув зубы от бессильной злобы и облегчения, что мать не знает о теперь уже позорном прошлом своего младшего сына,– буду должен,– все так же сквозь зубы. Да, понимаю, что спас, но, с-с-сука, паршиво, как же паршиво, твою ж мать, ощущать свою глупость и никчемность!

– Будешь, потом. Ко мне поедешь? В порядок себя привести,– поясняет в ответ на мой взгляд.

«Нет, вот по гостям я точно не настроен сейчас мотаться».

– Мне надо в офис. Закончить дела с Леськой,– мысленно ставлю крест на себе, как на бизнесмене. Все, баста, поиграл и хватит, пора домой.

– Уверен, что тебе с этого надо начать новую жизнь?– уточняет Степка. Я же смотрю на брата и думаю, как бы изменился его взгляд, расскажи я ему все, как было. Всю мою

историю.

– Более чем, пока сидел, она была у меня, сама предлагала выкупить мою долю. Я ее понимаю, – отвечаю, отвернувшись к окну. У меня был вагон времени, чтобы подумать над судьбой своей части в бизнесе. Я вложил достаточно сил и средств, чтобы волноваться за стабильность предприятия. И у меня не было никакого желания топить бизнес своей подмоченной репутацией.

Больше ни о чем не спрашивая, Степка отвозит меня к Вознесенской. Секретарь сразу отводит нас в конференц-зал, а вскоре и сама Олеся Евгеньевна появляется. Сдержанно приветствует.

Я сразу перехожу к делу, не вижу смысла разводить церемонии. Олеся отдает распоряжение вызвать к нам юристов. Когда процедура завершается, я прошу всех покинуть кабинет. Мы с теперь уже бывшим партнером остаемся в помещении одни.

– Лесь, я сильно подорвал нам репутацию? – спокойно смотрю на нее, подмечая все изменения: Вознесенская повзрослела, взгляд уже совсем сучий стал.

– Не считая сорванного контракта с Загрязским, от нас ушли еще пара крупных проектов. Мне продолжать? – смотрит на меня новым взглядом. Такой я ее не видел.

– Извиняться не буду, я тоже пострадавшая сторона. Кому там твой Игореша помешал, может, найдут, может, нет, а мне от того дерьма, в которое окунула эта семейка, еще долго

отмываться,— жестко отвечаю.

— Стародумов, да чтоб ты знал, мне плевать на семейство Кременецких! Да гниль гнилью, паскуды, только наказать нет возможности. У меня нет, а то бы уже постаралась, засадила,— Вознесенская едва слюной не брызжет: в такой ярости.

— Лесь, ты чего? Так контракт заел, что ли?— смотрю на нее в замешательстве, и, блядь, ощущение, как будто я эту женщину вижу впервые в жизни.

— Я любила его и могла стать женой! Оставалось немного дожать, и он был бы моим!— цедит так, что волосы дыбом постепенно встают.

— Блядь,— вырывается у меня,— нихуясе поворот,— сука, остановите планету, я сойду. Как эту мразь любить можно было???? У Леськи батя в сто раз лучше той обезьяны. А девочки вроде бы по подобию отца мужиков выбирают? Не?

— Тебе не понять,— выплевывает с психа Вознесенская, вызывая даже не оторопь, а просто желание вызвать сюда психиатра.

— Да, я даже и пытаться не буду. Лады, пошел я, навряд ли доведется еще встретиться, так что удачи тебе по всем фронтам,— откланиваюсь я.

— Русь, куда ты сейчас?— «просыпается» в Вознесенской та Леська, которую я знал когда-то совсем недавно.

— Домой,— коротко и сухо.

— Ты звони, если чего. Вдруг, бизнес надумаешь там от-

крыть, помогу,— мямлит робко.

— Ладно, покуда.

Выхожу из зала без всяких душевных прощаний.

Пока бумаги оформляются, живу у брата. Степка уговорил, я бы даже сказал надавил авторитетом. Часть суммы Вознесенская перечисляет сразу на счет Степки: пригодится для покупки хаты. Юристы работают над подготовкой всех документов, а я подыскиваю себе жилье в родном городе. Янка, жена Степки, первое время делала попытки вытащить меня на семейные посиделки, пыталась разговорить, а я игнорил. Не знаю, Степка ей что-то сказал, или она просто обиделась на меня за такое отношение, но меня оставили в покое.

Пока жил у них, не бухал, как многие бы подумали. Ну, это же было бы логично, ведь так? Откинулся с зоны, с бизнесом попрощался, можно и забухать, только вот желания не было. Как бы паршиво ни звучало, завидовал брату, боялся, что если начну пить, сорвусь. Наговорю лишнего, а я не желал ни ссор, ни, тем более, перед детьми позориться, да и пугать их тоже не хотел. Желание было только одно: как можно скорее убраться отсюда. Москва — большой город, но меня крыло только уже от одной мысли, что ОНА где-то там, на просторах столицы.

Алиса — сука бессердечная.

Она снилась мне каждую гребаную ночь. Суд, заседание, ее показания. Насквозь лживые, как и глаза, которые я по ка-

кому-то помутнению рассудка, не иначе, считал всегда честными.

– *Загряжская Алиса Рустамовна,* – зазвучал такой родной и в то же время какой-то чужой голос. Вскинув голову в сторону трибуны, за которой стоит свидетель, вижу Ее. Взгляд какой-то стеклянный, пьяная она, что ли? – *Вдова Загряжского Игоря Ренатовича,* – отвечает она на вопрос адвоката.

– *Да, знакома, был представлен мне на светском мероприятии,* – адвокат, указав на меня, интересуется, знает ли она меня. *Я еще не сильно напрягаюсь, но холодок по спине уже начинает бегать.*

– *Мы встречались в спорткомплексе, где я тренировалась,* – отвечает она на вопрос, пересекались ли мы после знакомства.

– *Нет, когда я начала ходить заниматься, его там не было. Я не видела.*

– *Была, он,* – с чего-то вдруг срывается на плач, – приставал ко мне, склонял к сексу, – произносит сквозь плач, когда адвокат спрашивает ее, была ли у нас интимная связь. *И вот тогда я начинаю понимать ее игру, тогда, блядь, я очень хорошо увидел всю картину со стороны. Живет семья благополучная семья, и тут на сцене появляюсь я, козел, решивший склонить верную жену к измене, а потом еще и отжать ее у мужа вместе с бизнесом путем его устранения.*

– *Я боялась сказать мужу, жертв не хотела, Игорь*

*ревнивый, был, -кажется, адвокат поинтересовался, почему она все мужу не поведала. Не смотрю на них, особенно на Алису. Сижу, сжимая пальцы в кулаки, так хочется раз-
мозжить чью-то голову.*

*– Да, преследовал, в магазин приходил, шантажировал, –
теперь уже спокойно и даже как-то совсем отстраненно.*

*– Он был в магазине после того, как я родила дочь. Да,
пытался вновь склонить к интиму, тогда и рассказала все
мужу, – вообще без каких-либо эмоций.*

– Сука!!!! – кричу я, вскочив со скамьи.

ГЛАВА 2

Оглядываюсь — никого нет, сижу на постели, в темноте.

Упав обратно на кровать, бездумно пялюсь в потолок.

«Загрязская, я ненавижу тебя! И когда-нибудь отомщу,
клянусь! Ты пожалеешь, что вообще на свет родилась!» —
шепчу я в темноту.

И так всю неделю с небольшими вариациями: то просы-
паюсь на оглашении приговора, то когда из зала под конво-
ем выводят. Но всегда снится эпизод допроса этой шлюхи.
Я, блядь, запомнил каждое ее слово. Они татуировкой легли
на мой мозг.

Степка тоже пытался вывести меня на разговор, видимо,
слышал крики по ночам. Но как я мог рассказать об этой
бляди родному брату? Своему идеалу и образцу для подра-
жания? Вот так вот признаться, что я лузер и меня телка сде-
лала? Нет, увольте.

А вот когда домой вернулся, сильно напился. Возвращение на малую родину и покупка квартиры не каждый день случается. Первый раз вообще один пил, причем водку. Наверное, патриотизм во мне проснулся, до этого момента мы с «беленькой» знакомы не были.

Я тогда Загряжской все высказал, матом. Бушевал знатно, но что удивительно — соседи полицию не вызвали. Может, спасло то, что мебели в квартире почти не было? Прежние жильцы оставили только кухню и диван в одной из комнат. Когда проснулся, на полу сидел: кажется, обессилев от такого всплеска ненависти и боли, я рухнул на пол и так, привалившись к стеночке, уснул. Костяшки пальцев сбиты, на них красовалась запекшаяся кровь. М-да, была б посуда или мебель какая, начал бы все подряд крушить, соседи уж точно бы представителей правоохранительных органов пригласили для вразумительной беседы с дебоширом, то есть со мной.

Тогда решил, что хватит: Москва осталась в прошлом. Только вот стоило забрести в свой район, где раньше жил, как будто специально встретился сперва один друг, потом второй. Мы с этими ребятами занимались в одной спортивной школе. Карусель пьянства продолжилась. Сначала пацаны предложили выпить за встречу, за мое возвращение, а уже когда сильно догнались, слово за слово, и пошло обсуждение, кто чем жил, как я снова оказался в родном городе, я им рассказал все. Очень преувеличенно, потому что на утро мог вспомнить только пьяный мат и вопли. И вот тогда мои

соседи вызвали полицию. Наверное, решили, что к ним дебошир заселился и в следующий раз в квартире откроется притон.

Я, кстати, именно тогда с соседями и познакомился, они у меня оказались сплошь пенсионеры. С пьяных глаз даже мысль закралась, мог бы я пробить такую информацию или нет, какого возраста будут соседи?

Особенно бабка одна запомнилась, как-то неуловимо, но настойчиво кого-то мне напоминавшая. Правда, на утро я посчитал, что это родственница какого-нибудь моего одноклассника.

Вот это приключение и поставило жирную точку в моем разгуле. Я завязал.

Осмотрел хату на предмет ремонта, составил список, что надо приобрести, что просто отремонтировать или заменить. Не сказал бы, что жизнь у меня кардинально изменилась с возвращением. Даже наоборот. В первые моменты после ночного отдыха полусонное сознание обычно выдавало картинку из шести лет моей жизни в Москве, которая теперь казалась кошмарным сном. Пока взгляд не фокусировался на стенах, потолке и всей обстановке комнаты, только тогда мозг включался на полную, и я вспоминал, что совсем недавно был в тюрьме. И сейчас нахожусь не в родительской квартире.

В скором времени, не без помощи парней (а они тренерами работали в школах), я устроился на работу. Да, тоже тре-

нером. Спасибо моему олимпийскому прошлому. И вот уже после этого я поехал к родителям, так со Степкой договорился, чтобы он никому ничего не сообщал: сам проинформирую того, кого посчитаю нужным. Родителей в первую очередь. Я с ними реально давно не общался, представлял, как переживают, наверняка ведь новости смотрят. Степка хоть и успокоил, объяснил, что это все происки врагов нашего бизнеса, но это же не в счет. Пока сам не объявишься и не расскажешь, как живешь, не успокоятся.

Родители после нашего переезда в Москву сменили квартиру на дом. Уехали далеко за город. Было забавно добираться до них общественным транспортом. Родные встретили меня очень тепло. Мать даже заплакала. Понимал, что жестко родителям пришлось без новостей, без связи с нами двумя: я в тюрьге, Кирыч наша в клинике, точнее, в реабилитационном центре для наркоманов теперь обитает. Ей вот тоже пришлось легенду придумывать, а то бы точняк мать с отцом уже в реанимации навещали.

Тяжело было молчать, поэтому в воскресенье я с самого утра отправился назад, в город.

Жизнь постепенно вставала на рельсы «дом-работа-дом», из развлечений — пробежки по утрам. А чтобы было, чем руки занять, я затеял ремонт. Никогда этим делом не занимался, в Москве готовую квартиру брал. И сейчас было над чем голову поломать, даже втянулся, понравилось. Машину не торопился покупать, может, кому-то и странно это было

бы слышать, но я скучал по своему Роверу, а покупать в маленьком городишке такую пафосную машину не видел смысла. Перед кем мне понтоваться? Если чего надо было, брал с доставкой до квартиры или такси заказывал.

Когда «умственная» часть ремонта была окончена, началась работа физическая. И теперь вечерами, оставаясь один на один с мыслями, я прокручивал события почти двухлетней давности. Искал ответы. Пытался разобраться.

Перед тем, как Алиса исчезла с моего горизонта на полгода (чтобы родить дочь, как оказалось потом), я уже был в активном поиске вариантов ее спасения. Искал возможность оформления липовых документов на себя и на Эли. Других вариантов, как ее спасти, как вырвать из лап этого мудилы, у меня не было. Киллера нанимать — не мой случай. Я и сам против насилия, и понимал, что после покушения (на которое я решиться не мог) на жизнь Загрязского бежать надо будет еще быстрее. Нет, это все было слишком для меня. Меня уже с человеком нужным свели, сумму обговаривали и сроки, когда Алиса перестала выходить на связь. Не писала и не звонила, вот тогда я едва умом не тронулся. Знание того, кто ее муж и что может с ней сотворить, отравляло мое сознание. Я, блядь, тогда ко всему интерес потерял, жил только работой. И чувствовал себя виноватым, представляете?! Виноватым потому, что, перед тем как исчезнуть, Эли стала совсем странно себя вести: секс был тогда просто диким. Диким и редким. Я должен был действовать, заставить

ее все мне рассказать, но собственная озабоченность ею не дала возможности хоть раз нормально поговорить. Просто встретиться и поговорить. Был неизлечимо болен ею, спасибо тем, кто грохнул ее мужа, тюрьма меня вылечила. Заработал теперь пожизненную аллергию даже на упоминание имени.

Вспоминая себя тогдашнего, поражался, насколько слепым был. Она же мной пользовалась! Своими отказами и таинственностью все сильнее затягивала в свои порочные сети. Думая, что девушку надо спасти, что ей плохо, я ведь ее только лишь развлекал своей заботой и вниманием. Черт, да она просто изнывала, наверное, от своей богатой и сытой жизни. А почему нет? Муж — первый миллиардер в Москве, конечно, после стольких лет брака хочется чего-то нового. А тут, блядь, я такой, с замашками принца на белом коне. Весь такой влюбленный. Дебил, сука. Кого от чего спасал?! Себя спасти надо было от отравы под названием «Эли»!

– Да пошло оно все нахуй,– уже вслух матерюсь на себя, глядя на то, что сделал. Бросаю все инструменты и ухожу в ванную: под холодный душ, мозги прочистить.

ГЛАВА 3

А в следующий раз меня накрыло волной воспоминаний, когда ехал по делам (все еще общественным транспортом). Увидел пешехода с ребенком, девочкой. Загадка сознания, но именно в этот момент всплыло воспоминание о встрече с Алисой после ее возвращения. «Я родила девочку»,– еще

долго стучало в моем мозгу. Разрывало на куски внутренности, ненавистью сковало, как будто в ловушку охотничью попал.

Я хотел послать все нахер, хотел вырваться из сетей прошлого и этих чувств на разрыв, пусть даже и с потерями, и забыть ее. В тот момент, находясь в магазине Алисы, я понимал, что мне уже нечего ловить рядом с ней. Не уйдет она от мужа, теперь уже ни при каком раскладе. Ребенок — что якорь, накрепко привязал к месту. Только вот не думал, что наша с ней связь настолько крепкой окажется, что я, как последняя размазня, буду и дальше терпеть ее принадлежность Загрязскому, делить ее с ним!

Потеряв Эли из виду на полгода — умирал, но то, что происходило после ее возвращения, было гораздо хуже. Ощущать ее, видеть и касаться было Раем для меня, все же остальное стало Адом. Все то время, когда я был вне ее орбиты, мой мозг взрывали мысли, что она вот прямо сейчас с мужем. И у него все права, он может делать с ней, что хочет. И здесь сознание бомбило от сцен секса до сцен побоев и издевательств. Здравомыслие находило на меня только в офисе, все остальное время — как в тумане. Поэтому когда менты пришли забирать меня, я вообще решил, что это глюки, что мне все это привиделось. Ну, ведь не могут меня за какое-то убийство посадить? Ладно, не за какое-то. Мог я тогда поверить в реальность происходящего, когда мне предъявили обвинение в убийстве мужа Алисы?!!!! Как, мать ва-

шу?! Не могло же мое тайное желание само по себе материализоваться?! Да, я желал, чтобы Загрязский сдох, просто вот от души, особенно, в последнее время. Да, вот как раз после возвращения своей любимой из мать-его-роддома!

Меня тогда и крушение самолета устраивало, и автомобильная авария, да что угодно, лишь бы Алиса осталась вдовой. Но, сука (!), как эти мысли могли привести полицию в наш с Леськой офис, чтобы арестовать меня?!!!!

Я, конечно, потом получил ответы на все эти вопросы. И вот тогда первой мыслью было: «Чтоб ты сдохла, тварь! Ненавижу! Попользовалась и пустила в расход».

Заходящие в транспорт подростки выдергивают меня из воспоминаний. Оглядываюсь вокруг и понимаю, что уже проехал свою остановку. Матерясь про себя, выскакиваю в последний момент в закрывающиеся двери. Стою на остановке и ежусь от осенней прохлады. Смотрю на часы: опаздываю. Надо ускоряться, если хочу закончить сегодня.

Иду в обратном направлении и думаю, зачем вообще подписался на это? Зачем согласился стать тренером в спортзале? Друзбан попросил подменить его. Мне и заработка дополнительного не надо, а вот желания загрузить себя, чтобы меньше в воспоминания кидало, это, пожалуй, самое главное. Чем скорее забуду, тем дышать легче станет. Вытравить к чертовой матери из души все, что хоть немного напоминает о Ней.

Когда пришел к потенциальному работодателю, сразу за-

явил, что работать буду или с мужчинами, или с женщинами в возрасте. Молодой контингент мне не подсовывать. Директор удивилась, но ничего говорить не стала. Цель достигнута: персонал в полном составе, больше ее ничего не волнует.

Первое время было непривычно находиться по эту сторону тренировки, когда не ты просишь помочь, а тебя просят. Но я довольно быстро втянулся, а через какое-то время стал замечать, что посетители одни и те же. Даже полюбпытствовал, ходят ли они в другое время. Оказалось, нет, приходят на мою смену. Польстило ли? Вообще нет, казалось, что внутри умерло все, что могло реагировать на лесть, комплименты или похвалу.

Казалось бы, все, ничего не беспокоит, и в моей жизни наступил штиль. Работал, тренировался, ремонт мучал, потому засыпал, едва доползая до дивана. Так длилось до тех пор, пока с пацанами не пошли в клуб потусить. Шел с конкретной целью: отхватить женского внимания на ночь. Работая в тренажерном зале, я хоть и контактировал только с дамами сильно за тридцать, но видел-то я всех, кто занимался. А там было на что посмотреть, такие телки ходят, что и у евнуха встанет. А я, блядь, далеко не евнух, и секса у меня давненько не было.

Склеив одну, везу ее к себе в логово. Натраховшись всласть, не особо церемонюсь и отправляю ее на такси домой. Девка пару оргазмов точно отхватила, так что никто не в накладе. «Сытый» и довольный, укладываюсь спать.

Утром же сквозь стиснутые зубы проклиная Алису, которая снилась мне всю ночь в мельчайших подробностях. Снять «стресс от кошмара» некому, поэтому отправляюсь в душ, и стоя под ледяными струями, начинаю подозревать, что, ослабившись с телкой, я потерял контроль над сознанием.

Думаете, меня это остановило? Ни фига подобного. Наоборот, решил, что Эли не только предстоит выдрать из своей души, ее оттуда еще и вытрахать надо. Пермь — город большой, девочек много.

Долго куролесил, ни лиц, ни имен не запоминал, но точно мог сказать, что в моей постели не было ни одной темненькой девки. Блондинки или рыжие, остальных я в упор не замечал.

Перерыв был на зимние каникулы. Тогда с пацанами договорились «тряхнуть» стариной и подались на горнолыжную базу. Кто с девчонками, кто без.

У меня же еще и днюха в этот период, так что не приехать к родителям не мог, мать бы точно обиделась серьезно. Поэтому на сам Новый год поехал к ним.

Как и обещал, приехал Степка с семейством, Кирку привез. Она уже была вполне адекватной, правда, общались мы несколько скованно. У меня еще перед глазами было ее выступление в суде, где она рассказывала, вернее, подтверждала мои домогательства в отношении Загряжской. А сестрица, уже проходя курс лечения, все понимала и осознавала масштабность своего косяка.

Мать, конечно, повздыхала, что я приехал один, без пары. Я отмахнулся, сказав, что мне еще рано остепеняться, что не нагулялся, расстроив этим родительницу еще сильнее: конечно, по возрасту я совсем уже выбивался из семейной статистики.

Первый, кому получилось вытащить из меня все дерьмо, что пока еще мешало спать по ночам, оказался Степка, вискарь ему в помощь.

– Русич, ты же у нас толковый парень, как тебя угораздило так вписаться в ту девку?– спрашивает меня задумчиво старший, въедливо глядя в глаза.

Мы с ним расположились на веранде в креслах у круглого столика. Мамка, счастливая, что внуки приехали, была вся в хозяйстве. То пекла, то варила, то парила, то жарила. Батя с пацанами Степкиными что-то мастерил. У старшего явно мозги были с техническим уклоном: все что-то проектировал, придумывал.

– Бро, не в оправдание, понимаешь, втемяшилось в голову, что ее муж обижает, что там капец какое домашнее насилие. А потом,– резко выдыхаю, признаваясь в своей главной лаже,– я влюбился в эту суку. Она же меня одним своим взглядом в лаву обращала. Когда пропала на полгода, я бесился жестко. Ночами не спал, дебил. Вообще умом тогда тронулся, потому что, сколько бы ни интересовался, никто ничего о ней не знал. Самое паршивое тогда заключалось в присутствии ее муженька в Москве. Это я точно знал от

Леськи, у них встречи случались. Потом эта дрянь снова появилась на горизонте, и я ушел на новый круг ада. Только в этот раз было еще хуже. Ни повлиять не мог на ситуацию, ни контролировать. И соскочить уже никак, хуже наркомана: тех хоть в реабилитационный центр можно засунуть, а мне куда? В психушку, на колеса садиться? И ее не увести из семьи, ребенок держит. Ну и итог, ты сам все знаешь.

ГЛАВА 4

Степка слушает, глядя в окно.

– И ты сейчас думаешь так же, как и тогда, полгода назад?– встречает мой раздраженный взгляд своим спокойным и умудренным опытом, что начинает бесить: снова ощущаю себя маленьким и неразумным пацаном. Зачем ковыряется в моих ранах?!

– Стэ, ты зачем это делаешь?– выплевываю вопрос с агрессией и жесткостью, глядя на брата с яростью.– Решил устроить сеанс психотерапии? Не нужно, я в норме.

– Уверен?– прищурившись, с усталой усмешкой, всем своим видом давая понять, что не верит моей бравате, что видит меня насквозь, читает как открытую книгу. И я вынужден мириться с этим, мириться со своей слабостью перед силой брата. Прямо как в саванне, признавая власть сильнеешего.

– Степ, не начинай,– примирительно,– я, черт возьми, понимаю, что ты за время работы повидал многое. Знаю, что разбираешься в людях. Но прошу, не надо меня сейчас ле-

чить,— с упрямством смотрю ему в глаза.

— Рус, я не хочу «лечить» тебя,— делает акцент на слове,— я пытаюсь заботиться о брате, единственном вообще-то! Не хочу, чтобы ты тащил свое прошлое дальше по жизни. С ним невозможно двигаться вперед. Не расстанешься с ним сейчас, будешь топтаться на месте.

— Бро, говорю тебе, я в норме. Работаю, телок трахаю, с пацанами вон на базу собрались поехать. Вспомню молодость чемпионскую,— хмыкаю.

— Ладно, парень ты большой. Захочешь поговорить, телефон знаешь.

— Я понял, спасибо, Степ... реально, спасибо за все. Мы с Киркой тебе нервы помотали, прости,— протягиваю ему руку.

А когда ушел в свою комнату, слова брата навели на мысль. «Может, он какой информацией располагает? И что? Мне Алису сейчас стоит только увидеть, и тогда точно сяду надолго. И уже за настоящее убийство. Нет. Мне надо подождать».

Уехав на курорт и встав на доску, я ненадолго, но вернул себя прежнего. Забыл обо всем, пока раскатывал по трассе. Катался подолгу и, чаще всего, отдельно от своей компании. Глаза мне резало от наших двух парочек, которые то сэлфи делали с обнимашками-поцелуями, то просто устраивали эротическое шоу. Вечерами с ними было капец как невыносимо, поэтому я в основном запирался в комнате и выходил

только поехать.

После каникул принялся за старое. Перебрал все клубы в городе, парни уже на меня рукой махнули, поняли, что пока не затошнит, не прекращу хождения по блядам, как они окрестили мои походы. Воздействовать не пытались, зная весь треш моей жизни, и я был им благодарен за то, что не «лечили».

Ближе к маю у меня загорелось, предложил парням сходить в поход. Не был уверен, что поддержат идею, но они согласились. И не только они, девчонки поддержали. В итоге нас человек десять собралось. Место назначения выбрали в своем регионе. Удивительно, но ни одна «половинка» не пожаловалась на трудности в виде насекомых и полевых условий.

Вдохновленный, я по возвращении начал разрабатывать маршрут на Байкал. С ним, конечно, проблем оказалось больше, самая главная — это отпуски. В этот раз поехало пятеро: я и две пары. Было решено ехать на машине.

Для меня самого поездка носила чисто испытательный характер: хотел проверить себя на выносливость. А вот женский состав нашей компании готовился основательно, это я сделал выводы по рассказам парней. Девчонки штудировали интернет, готовились к посещению острова. Я же лишь смутно припоминал, что на Байкале проводили какие-то обряды. Не мог серьезно к этому относиться, я же современный человек, ну, какое там шаманство в двадцать первом веке?!

Когда добрались до места, сначала занялись бытовыми вопросами, а так как приехали мы уже под вечер, то и идти изучать местность было решено утром.

Излазили все по максимуму, каждый день еле доходил до койки. Тут вообще ни о каких снах речи не шло, засыпал до того, как принимал горизонтальное положение. Так продолжалось до поездки на остров. На это мероприятие мы выделили целый день. Я поначалу даже ехать не хотел, что мне там делать? Парни уговорили быть буфером, вдруг девчонки разойдутся «на святом месте».

Когда причалили к острову, я ничего странного или удивительного не заметил. Дамы сразу отправились по своему маршруту, «шаманить». Я же пошел просто побродить, и конечно, никак не ожидал столкнуться с кем-то из местных. Честно, вообще не вникал в такие нюансы, как проведение обрядов и всяческих колдовских процессов на Байкале. Не надо оно мне, даже увидев это место воочию, любопытства не испытал.

Девушка мне даже не на встречу попалась, просто увидел ее. Стояла ко мне спиной, и я, не сбавляя шага, уже почти прошел мимо, как она обернулась. А я от удивления замер на месте, потому что убиться, но чувствовал ее взгляд. Мне показалось это диким. Она подошла ко мне, от чего у меня волосы зашевелились на затылке.

Протягивает мне руку, смотря в глаза. У меня в башке точно ветерок загулял, протягиваю ей свою в ответ. Пере-

ворачивает ее ладонью вверх и накрывает своей, все так же глядя внутрь меня (судя по ощущениям). А потом раздается ее тихий, спокойный голос, что настойчиво просачивается мне в душу.

– Прости ее, не для себя...не ради себя больно дела-ла...мучается до сих пор...душа маетная. Свою освободи от ненависти, не надо тебе...иди.

ГЛАВА 5

Моргаю, затем еще раз. Я стою один, оглянувшись, вижу, что девушки нигде нет. Зато моя компания появилась на горизонте.

– Эй, ты куда пропал. Возвращаться пора,– зовут друзья.

Еще раз оглянувшись и даже прокрутившись на месте, я нигде не примечаю женской фигуры. Онемевший, возвращаюсь к друзьям и еще долго молчу, переваривая то, что произошло на острове.

«Как к этому относиться? У меня бред случился? Солнечный удар? Че за херня там произошла?»– мучают меня мысли.

Я даже девчонок поспрашивал, видели ли они недалеко от меня кого-то из местных. Они мне ответили, что не сезон, мы не вовремя приехали.

В чудеса я не верю, поэтому выкинул произошедшее из головы. Какой толк ломать мозги над тем, у чего не было свидетелей?!

А уж когда домой вернулись, так вообще забыл. Обратная дорога тяжелее далась нам: сломалась машина, пришлось задержаться на ремонт. Пока возились, успели слегка поругаться. В родной город приехали злые и раздраженные.

Но что удивительно, меня типа «отпустило»: мысли о прошлом не беспокоили ни в каком виде. Я что-то вроде наркоза получил на Байкале. И как знать, сколько бы я под ним находился, если бы в августе Степка не приехал с семьей к нам на неделю. А с ним Сашка.

Я рад был, да, но в то же время воспринимал ее приезд очень болезненно. Являясь непосредственной частью моего прошлого, она уже одним своим присутствием в моем доме вскрывала все незажившие раны. От нее и узнал, что Загрязская была объявлена без вести пропавшей.

Хотел ли я мести? Нет. Хотел сделать больно? Да. Чтоб на коленях ползала, вымаливая прощение. Хотя, наверное, это и можно назвать мстью. А вот после такой новости оказался в растерянности. Получается, жизнь сама обо всем позаботилась. Если женщина с маленьким ребенком оказывается без вести пропавшей, значит, она никому не нужна. И, наверное, уже можно закрывать «счет».

Жизнь пошла своим чередом, вереница телок в моей постели закончилась. В монахи не записывался, но и первую попавшуюся в дом не тащил. Меня по-прежнему воротило от одной только мысли об отношениях с девушками, но есть ведь и такие, кому хватает секса без обязательств.

Правда, был один срыв. Мы с парнями забухали по случаю мальчишника, а я, видимо, нажрался больше всех. Кажется, у меня обнаружилась «аллергия» на свадьбы. Зависли мы, по обычаю, в сауне, для самых холостых пригласили девочек в ассортименте. И одна из них оказалась с темными волосами, невысокая, стройная. Плохо помню, что произошло, только то, что меня оглушило визгом, а потом кто-то со всей дури в бассейн закинул.

Когда пацаны меня в чувство привели, оказалось, что я с этой темненькой уединился, только вместо секса едва ее не задушил.

– Пацаны, простите, вообще ничего не помню. Я лучше домой, такси мне вызовите.

Доехав до дома, я отпускаю такси и стою в ночной прохладе. «Теперь либо не пить, либо к психиатру», – посещает меня совсем не радостная мысль.

Поднимаюсь в квартиру, а перед глазами еще стоят испуганные глаза этой «бабочки» из сауны. Голубые глаза. Раздевшись, я ухожу в душ, сначала моюсь, а потом стою под холодными струями воды. Уткнувшись лбом в кафель, закрываю глаза, и память уносит меня в судебный зал заседаний.

Алиса заканчивает давать показания. На протяжении всего времени она смотрела то ли на судью, то ли вообще в никуда (сбоку не понятно было). Но когда замолкает, поворачивает голову в мою сторону, сталкиваемся взглядами. Обреченность, отчаяние и боль легко читались в ее глазах,

но никак не вязались с тем, что я слышал, тем более, с тем, где находился.

Продрогнув под холодным душем, открываю глаза. Она что, просила прощения?! Черт! Все ж нормально было, твою мать! Надо было с этой телкой зависнуть. Блядь!

Выйдя из ванной, ухожу на кухню, набросав себе бутер вместо ужина, стою, жую, смотрю в окно.

«Все, нахер, завязываю бухать вообще. А еще темноволосых девушек с голубыми глазами для меня теперь не существует».

Сточив ужин, иду спать.

Первой девушкой, с которой у меня завертелось что-то типа отношений, была разведенка. Дама развелась с мужем и, сильно обиженная на бывшего, пошла тусить в клуб. А я там днюху отмечал. Познакомились — и понеслось. Встречались не только ради секса: даже общались. Тогда это прям победа была, месяц продержался. Вот только едва почувствовал, что начинаем сближаться, расстался.

В марте в нашу школу пришла новый тренер. Девчонка только в том году окончила пед, и ее поставили на младшую группу. Активная, веселая, а главное — блондинка. Довольно быстро оказался у нее на прицеле. Особо не возражал по этому поводу. Мне нравилась ее безбашенность. Я «сдался» ей настолько, что к лету позволял ночевать у себя, а потом как-то постепенно стал обнаруживать в квартире женские вещи. Особенно ванной досталось.

И вот спустя три года после переезда из Москвы я принимаю решение жить вместе с кем-то в одной квартире. Только не успел торжественно вручить ключи девушке, а все потому, что с появлением Кати романтик в душе просыпаться начал, и ему хотелось сделать это предложение красиво. Ну, да, не предложение руки и сердца, но для меня и этот шаг — уже подвиг. Пока думал, как лучше все обустроить, вмешались обстоятельства: приболел, ушел на больничный.

У меня только температура первый день спала, а тут, откуда ни возьмись, на моем пороге объявились родственники покойной соседки. Была у нас тут бабулька, вообще одинокая. Она как преставилась, оказалось, что и хоронить-то некому. Всем подъездом собирали деньги да организовывали достойные похороны.

Я как раз таблетки принял после обеда, лежал на диване, в телик пялился. Звонок в дверь прервал мое ничегонеделание, думая, что это Катька с проверкой нагрянула, уже хотел отчитать за кипучую деятельность. Выхожу в коридор, смотрю в глазок: на площадке стоит пацан с ребенком на руках.

«Побирушки, что ли?» — мелькнула мысль, но дверь все же открыл. Руки у того заняты, не успеет вреда причинить.

Дверь открываю, и убеждаюсь: невысокий, худощавый. Лица, правда, не разглядеть: бейсболку низко натянул.

ГЛАВА 6

Алиса

Я провела во Франции не больше месяца, чувствовала

слежку. Да и не верилось мне, что Тагир оставит меня без контроля. Ему необходимо знать мое местонахождение, не стоило заблуждаться на этот счет. И я пошла на хитрость, несколько дней отдыхала. Хоть моя виза и рабочая, я ходила с Евой на пляж. Забавно было наблюдать за ней, когда она реагировала на звуки природы. Оставшись с ней один на один, я добровольно отдала себя в «рабство». Трезво понимала в тот момент, что отношения мне не светят. Я сердце свое оставила на родине. Да что сердце, у меня там душа осталась. Вместе с Русланом. Не хотела я никого рядом, тем более, чтобы это касалось Евы, разовое же вообще брезгливость вызывало.

Связавшись с Клэр, я обрисовала ей ситуацию, в которой оказалась. Она приехала ко мне через неделю и помогла с «переездом» в Англию.

С этого момента календарь для меня перестал существовать, праздники, дни рождений, какие-либо даты стерлись. Теперь там были только график работы, посещения врача Евы и график оплаты жилья.

Клэр помогла мне во всем, но самое главное — решить вопрос с квартирой. Свозив по нескольким адресам в пригороде, сориентировала, какой вариант лучше. С работой я уже сама сражалась. К счастью, недолго. Наверное, уже через неделю проходила стажировку. В связи с чем я была вынуждена пойти на отчаянный шаг: оставить ребенка с посторонним человеком, с няней. Благо, Клэр дала рекомендации, эта

же женщина нянчилась с ее племянниками. Покоя мне это не добавляло, я все равно волновалась за дочь. Успокоилась только через пару недель где-то.

Все, что теперь было в моей жизни,— это работа и воспитание дочери. За первые полгода моего переезда в Лондон я позволила себе только два вечера отдохнуть в компании Клэр и выпить. Во время первой же посиделки подруга вывела разговор на мой магазин, оказалось, что заказы прекратились еще до моего возвращения в Лондон. И любые попытки связаться с Россией у нее окончились провалом. На контакт не шли. Стало грустно, при чем здесь бизнес? Ненавидишь, твое право, но что, тебе деньги лишние? Кире работа не нужна? Махнув рукой, я задвигаю мысли о бизнесе как можно дальше, хоть я в него и вложила частичку своей души.

И почти каждую ночь ко мне приходил Руслан. Все, что было между нами. Что только не рождалось в моих сновидениях: как могло бы быть без Загряжского, как было бы с Аланом, если бы я ему все рассказала. И кажется, ни разу я не видела повторения своего выступления в суде, а быть может, на утро все стиралось из памяти. Впрочем, эти воспоминания и так были со мной каждый день, наяву. Достаточно было прикрыть глаза на работе, и сразу вспоминался взгляд Алана, тот, прощальный. Презрительный.

Знала, что ничего изменить не смогу, помочь буду не в силах, даже если захочу, если вернусь в Россию. Брату тут же донесут, обратись я в органы. И мне оставалось лишь упо-

вать на то, что Тагир сдержит данное мне обещание: с Русланом ничего не случится, пока он в тюрьме. А еще молиться, как могла, как получалось. Потому что этого душа требовала. Просила счастья для Алана, которого он заслуживал. У него должна была быть семья, дети. Молилась и плакала, сколько слез повидала моя кухня... кажется, озерцо могло бы набраться. Занималась самобичеванием, понимая, что не имею права на ревность. Да и вообще, после того, что сделала, я должна была забыть о нем навсегда. Опорочила честное имя отца своего ребенка, мне не вымолить за это прощения и до конца своей жизни.

Не будь Евы, покончила бы уже с собой. Впрочем, не будь ее, и Лондона бы не было. А если уж быть честной с самой собой, то все было бы по-другому. Поступила бы я иначе? Будучи матерью самой замечательной девочки на свете, не могу ответить утвердительно. Просто не могу, потому что это означало бы, что дочери, моего ангелочка, не было бы в моей жизни. Тогда, скорее всего, вообще ничего не было бы в моем пустом существовании.

Каждый раз глядя в ее карие глазенки, я понимала, что если нужно будет, по битому стеклу пойду.

И каждый раз глядя на нее, я испытывала жгучее чувство вины, потому что допустила, чтобы Ева росла без отца.

Когда дочурке исполнился год, Клэр начала поднимать тему моего «холостячества». По ее мнению, женщина в таком возрасте просто не имеет права быть одна. И уж тем более,

преступно жить без секса.

А я оставила «за кулисами» всю правду о рождении Евы, не стала рассказывать подруге все то, что наворотила там, у себя дома.

Она «забила» на меня, когда дочери исполнилось два. После того, как я под разными предлогами отфильтровала всех претендентов, которых Клэр предлагала мне, борясь с моим затворничеством, подруга так и сказала: «Клинический случай, я тут бессильна».

Я к этому моменту и сама успокоилась, мне казалось, жизнь уже налажена. Ева ходила в детский центр, я работала большую часть суток.

У нас с ней сложилась традиция. Воскресенье стало нашим днем. Сначала с коляской гуляла, а потом, когда Ева перешла на самостоятельное передвижение, плавно переключились на пешие прогулки. И благодаря родному русскому языку везде привлекали внимание, стоило начать разговаривать. Со взрослыми не всегда было легко, порой относились настороженно. Даже пару раз детей уводили, может, боялись, что Ева их научит матом ругаться? Я не обижалась. Мой ребенок вообще не обращал внимания на таких особ, ее занимало изучение окружающего мира.

А вот когда Ева пошла в детский центр, в ее словаре начали появляться английские слова, теперь мы общались на равных с местными детишками. Доче понравилось. Постепенно родной язык стал звучать только дома.

Ева росла настоящей красоткой, для меня, как для матери, это было само собой разумеющимся, но когда на одной из прогулок мы угодили под прицел камеры фотографа, я поняла, что это не только материнский взгляд на родное чадо. Фотограф оказался штатным, одного из журналов, специализирующихся на детской моде. Он дал мне визитную карточку, настоятельно попросив подумать над модельным будущим Евы. А я попросила удалить фото ребенка.

Визитку выбросила в ближайшей урне, зарабатывать своей внешностью с младенчества — это последнее, что я пожелаю своему ангелочку.

Когда Ева исполнилось три года, я поняла, что у меня растет целеустремленный, упрямый ребенок. В ее характере мало что видела своего. Казалось, она вобрала все, что меня восхищало в Алане. Тяга к спорту у нее явно прослеживалась: не смотря на ссадины и синяки, она осваивала ролики и велосипед.

Я гордилась каждым ее достижением. Мой маленький герой.

В этом году решила на первый отпуск, думала свозить дочку на море. Мы полетели с ней во Францию. Две недели на Средиземном море, волшебное время. Дочь, попав в морскую воду, не желала из нее выходить. Бесстрашно встречала волны, визжала, когда ее окатывало с головы до ног. Моя русалочка.

А осенью, примерно в октябре, мне на голову свалилась

родня. Не знаю, какие связи задействовал братик (Интерпол, ЦРУ), но он нашел меня, хоть я и меняла все документы не без помощи все той же Клэр. Позвонил, чтобы сообщить, что наша мать сейчас в реанимации после инсульта.

ГЛАВА 7

Честно, я не хотела ехать. Быть может, сама и навестила бы родину, но только когда Ева подросла, а не через три года после того, как фактически сбежала из России. Зов крови я просто задавила, о матери есть кому позаботиться, и срываться после того, как недавно уже была в отпуске, не хотелось. Лишь желание познакомить Еву с бабушкой (вдруг, все же, мать не выкарабкается) толкнуло меня на разговор с шефом.

Мне дали две недели, наверное, не так плоха была моя репутация, я, если честно, рассчитывала только на одну.

Купив билеты в тот же день, я занялась документами. Поставив в известность «садик», готовлю Еву к первому длительному перелету и смене часовых поясов. Сходяв к педиатру на консультацию, запасаясь всем необходимым.

Приехав в аэропорт, испытываю странные чувства. Второй раз здесь, второй раз я возвращаюсь на родину. Первый был сродни прогулки на эшафот, второй сдавливал грудь железным обручем, не давая нормально вздохнуть. Все душевные раны разом воспалились, мало еще времени прошло. Слишком мало, я не готова спокойно лететь в Россию, не думая об Алане.

Ева, вопреки моим волнениям, спокойно перенесла путешествие, еще даже меня развлекала, лопоча то на русском, то на английском, видимо, от возбуждения. Из-за него сна в ее карих глазах нет и следа.

Домодедово встречает дождем, хоть мы к нему и привыкли, но Россия — это не Франция, и атмосфера совершенно другая, что, вероятно, и влияет на дочь. Едва мы загружаемся в такси, она засыпает. Не просыпается, даже когда ее переносят в номер отеля. Разбудить ее у меня рука не поднялась, и была вынуждена просить водителя такси помочь нам.

Мой ребенок дрыхнет до самого утра. Я заказываю нам завтрак в номер, собравшись, отправляемся в конечный пункт нашего путешествия: в больницу. Предварительно позвонив Тагиру, я уточняю, какая больница и какие в ней часы посещения.

Пока едем до госпиталя, игнорирую вид за окном, отвечая только на вопросы Ева.

Когда такси останавливается у здания больницы, отстегиваю Еву и помогаю выйти из машины. Не давая себе возможности рефлексировать, беру дочь за ручку и иду в приемный покой. Там нас отправляют на второй этаж. Найдя нужное нам отделение, сначала беседую с врачом, а потом прошу разрешения навестить мать.

Нам дают пару минут. Заходим в палату.

Мать лежит вся в каких-то датчиках, трубках. Так себе зрелище, и я понимаю, что детям тут не место, но и оставить

Еву в коридоре тоже не могу. Боюсь.

Подойдя к постели, касаюсь ее маленькой ручки, лежащей на одеяле.

– Мама, здравствуй,– говорю тихо. Смотрю на нее, и слезы наворачиваются на глаза. Она так состарилась.

Усаживаюсь на стул рядом с кроватью и беру Еву к себе на колени.

– Ева, это твоя бабушка,– знакомлю я их.

– Посему она молсит?– задирает ко мне личико и хмурит бровки.

– Бабушка болеет, ей колют укольчики, и она спит,– шепчу я дочери на ушко, зарывшись носом ей в локоны. Присутствие дочери спасает меня от слез. Внутри уже буря расплывается.

– Алиса,– доносится до меня хриплое и тяжелое.

Бросив взгляд на кровать, вижу, что у матери открыты глаза. Пересадив Еву на стул, сама склоняюсь над кроватью.

– Да, мама, я здесь,– внимательно смотрю на нее.

– Прошу тебя,– мутным взглядом шарит по моему лицу,– найди свою бабушку,– моей руки касается ее.

– Бабушку?– переспрашиваю недоуменно.

– Мою мать,– хриплый вдох,– найди ее,– цепко хватая мою ладонь,– Алиса,– приборы начинают тревожно пиликать.

– Мам, успокойся,– пытаюсь утихомирить ее,– найду я ее, не волнуйся,– думая про себя, каким, интересно, образом

смогу это сделать и почему я? У Тагира явно больше способностей доставать людей из-под земли.

– Адрес есть,– упорно твердит свое,– дома, в моей комнате, найди!– начинает кашлять, а приборы пищат все громче.

В палату тут же вбегает группа медиков. Я отхожу от кровати и беру Еву на руки.

– Женщина, выйдите из палаты,– приказывает мне кто-то из этой толпы.

А я, в общем-то, и не собиралась больше задерживаться. Выйдя в коридор, опускаю Еву на ближайшую скамейку.

– Котенок, ты как? Испугалась?– держу ее ладошки в своих.

– Неть,– качает головой,– бабуську залко,– грустно смотрит на меня.

– Все хорошо с ней будет, вылечат,– целую ее пальчики,– пойдем, нам надо покушать,– поднимаю ее со скамейки.

– Пиццу?– звенящий голосок разлетается по коридору.

– Можно и пиццу, хоть я и не уверена, что где-то рядом есть хорошая пиццерия,– не столько отвечаю, сколько размышляю.

– Тогда блинчики,– смилостивился мой ребенок.

– Блинчики так блинчики. Пошли.

Выйдя из больницы, ищу по карте, где есть кафе. Найдя одно с неплохим рейтингом, мы отправляемся туда.

Накормив ребенка, сидела и думала, как попасть в дом родителей и найти этот гребанный адрес. В чем он записан?

Телефонная книжка? Ежедневник?

– Солнышко, нам придется к бабушке домой съездить и найти сокровище, – интригую я ребенка.

– Сокровися? – глазенки загораются, – Хотю, – кивает бодро.

Вызвав такси, я называю водителю адрес родителей.

Сажу рядом с Евой, которая упакована в детское кресло, и размышляю.

«Какого черта я делаю? Приехала, с мамой повидалась и уехала. Так же хотела изначально?! Зачем...»

Такси останавливается у поста охраны, я выхожу, чтобы мою личность идентифицировали. Определив, кто я такая, машину пропускают. Нас высаживают у крыльца дома.

На меня накатывают воспоминания трехлетней давности. Притянув Еву ближе к себе, заходим в дом, который, как оказалось, и не заперт даже.

– Ева, тссс, – прикладываю палец к губам, давая дочери понять, что идем молча.

Она тут же включается в игру, ведь мы же за сокровищами приехали. Идет тихонько, на цыпочках, и шустро все осматривает.

А на меня такое умиление при взгляде на нее накатывает, что даже слезы в глазах стоят.

Сделав глубокий вдох, сосредотачиваюсь на поисках.

Вспомнив с трудом, где была комната матери, иду в ту сторону. Поплутав в правом крыле дома, включаю свет. Беру

Еву на руки и усаживаю ее на кровать.

— Я ищу сокровища, а ты сторожишь. Услышишь, что кто-то идет, хлопай в ладоши,— даю я ребенку задание.

Оглядев еще раз спальню, не обнаруживаю ни одного блокнота, книги или тетради. Из мебели — тумбочка у кровати и комод у окна. Начинаю с маленького, с тумбы. Проверив два ящика, не нахожу ничего бумажного, а вот в третьем лежат письма. Один из конвертов открыт. Достав лист бумаги, я взглядом натыкаюсь на слово «Мамочка», пробежав по тексту глазами, понимаю, что это моя мать писала своей. Помириться, вроде, хотела. Но вот адрес! Когда я его разглядела, не знала, заплакать то ли от расстройства, то ли от злости. Там даже не Подмосковье было. Пермь!

Сев на постель рядом с дочерью, думала, как же туда ехать вместе с ребенком?! А главное, как уложиться в сроки?! Да твою ж мать!

Забрав конверт с собой, увожу Еву из этого дома, озираясь и оглядываясь, чувствуя, как волоски на теле шевелятся от страха быть пойманной отцом или братом. В глубине души молясь, чтобы это был последний раз, когда я была здесь, а Ева — тем более.

Вернувшись в отель, включаю Еве мультики, а сама ухожу в ванную комнату. Там, усевшись на бортик ванной, пытаюсь придумать выход из этой ситуации. Понимаю, что его нет. Передать Тагиру просьбу матери — это выход, конечно. Но его она об этом не попросила. Почему?

Открыв календарь на телефоне, считаю дни. Если только туда и обратно, то я укладываюсь в сроки.

К бабуле мы едем вдвоем с дочерью. Я не смогла оставить ее в Москве, хоть и было с кем и где, для нас обеих это чужой город. Понимала, что Ева ещё мала для таких длительных поездок из одного самолета в другой, но выбора не было.

ГЛАВА 8

Дом по нужному мне адресу оказался довольно старым, серым, неприметным. Пятиэтажный, с маленькими балконами. Пару минут стою и разглядываю его, где-то в глубине души понимая, что моя мать не стала бы жить в подобном месте, даже если бы не встретила отца.

Доча тянет меня за руку, требуя внимания.

—

Мамиська, мне хоядно,— требовательно глядит на меня снизу вверх.

—

Прости, солнышко, мама задумалась, — говорю дочери, беря ее на руки.

Подъезд, что удивительно для нашего времени, открыт, и мы спокойно заходим. Поднявшись до третьего этажа, нахожу нужную мне квартиру.

«Я только должна сказать ей о маме, только сказать, и все»,— настраиваю я себя перед встречей с незнакомым мне человеком, который странным образом является моей бабушкой.

Тыкаю пальцем в кнопку, что приделана слева от двери. Из-за двери доносится слабый "голос" звонка. И это единственные звуки, кроме лопотания Евы, что я слышу. Звоню ещё раз, и снова тишина.

– Мамиська, патем гулять,– тянется к моему лицу дочь. Смотрю на нее, затем на дверь, думая, что делать дальше.

Разворачиваюсь и осматриваю площадку. Три квартиры на этаже. Ничего не остаётся, кроме как постучаться к хозяевам. Если здесь никто не откроет или никто ничего не знает о жильцах из двадцать четвертой, пойду по подъезду. Должна же была моя бабка с кем-то дружить, молодежь обсуждать.

Стучусь в ближнюю. А звонка нет, или в гости никто не ходит, или наоборот, хозяев уже достали своим вниманием. Никто не отвечает. Иду к третьей двери. Малышка уже капризничать начинает. Устала, бедная. Достаяю из сумки ее любимую игрушку и на время отвлекаю. Успокаиваю.

Без промедления звоню в дверь. Не дождавшись ответа, разворачиваюсь и делаю шаг по лестнице вверх, на четвертый этаж. Замираю, потому что за моей спиной раздаётся щелчок открывающегося замка.

Это, конечно, еще не значит, что мне не придется-таки обходить других соседей, ведь, в конце концов, люди могли сюда въехать недавно или просто снимать квартиру, и бабку мою просто не знать.

Повернувшись, ступаю обратно и смотрю на человека, что стоит на пороге квартиры.

Лопотание Евы превращается в глухой фон, у меня вообще слух искажается от шума крови. Передо мной ОН, собственной персоной, из плоти и крови, до боли знакомый, до отчаяния желанный, но недоступный, чужой. АЛАН. Дочь, видимо, чувствует, что с мамой что-то не так, и начинает шлёпать мне по лицу ладошкой. Перехватываю ее на правую руку, и прижимаю к себе крепче.

– Извините за беспокойство,– начинаю я шатким голо- сом,– вы не знаете, где ваши соседи из двадцать четвертой?

Про себя молюсь, чтобы он не узнал меня, не хочу. При ребенке вряд ли что-то сделает, но все равно боюсь.

–

Вам зачем? Вы кто им будете?– резко и отрывисто, раз- глядывая меня внимательно.

–

Родственники,– не смотрю в его сторону, склонив голову к дочери,– дальние, у нее дочь в Москве в реанимации сей- час, вот, хотела увидеть, поговорить.

–

В Москве, говорите?– я прям чувствую, как мне левый бок прожигает от его взгляда.

–

Да, понимаем, что далеко для пожилого человека, но и не зайти, не передать такую просьбу тоже не могли.

–

Так вы передайте своим москвичам, что нет больше бабки

у них. Полгода как схоронили ее. Всем подъездом провожали.

Резко вскидываю на него взгляд, укладывая в голове то, что он произнес. "Полгода назад бабушка умерла". Не в состоянии больше стоять с дочерью на руках, я оседаю прямо на ступеньку лестницы. Поставив дочку на ножки, говорю ей:

—

Солнышко, постой немного, мама отдохнёт чуть-чуть.

В глубине души я хотела встретиться с этой женщиной, увидеть ее. Узнать, что она за человек. Ведь не каждая мать сможет отпустить (во всех смыслах) своего ребенка. А моя мать со своей родительницей не общались, по крайней мере, в доме никогда не было слышно разговоров по телефону, или чтобы слово «мама» звучало. И мать одна никуда не ездила. Либо с отцом, либо с нами. Значит, они не контактировали вообще.

—

Вам плохо?— грубый голос проходится по моим нервам наждачкой.— Воды?

—

Нет, спасибо. Мы пойдем,— медленно поднимаюсь.

—

Ключи от квартиры заберите,— тормозит меня этот чужой, но такой близкий мужчина.

Скрывается в глубине своего жилища, прежде чем я успеваю ответить.

—

Вот, заберите, нет никакого желания отвечать за чужую собственность,— выговаривает мне Алан.

И впихивает мне в руки ключи от бабушкиной квартиры. Опустив глаза, вижу на ладони один большой ключ. С колечком. Игнорируя прикосновение его руки к моей, смотрю на этот предмет и думаю: "Сейчас или потом?"

Дочь бросает игрушку и пытается выбраться из моих рук, ей хочется двигаться. Я понимаю, только нам с ней ещё предстоит обратный путь.

—

Милая, потерпи, сейчас мы пойдем,— говорю я дочери, устраивая ее удобнее на руках.

—

Держи,— раздается голос рядом. Это Руслан протягивает дочери игрушку, которую поднял с пола, чем привлекает ее внимание.

Я забываю на время такую функцию и потребность организма как дыхание. Отец и дочь смотрят друг на друга, даже не догадываясь о своем близком родстве. Хотя Ева — копия Руслана, мне ли не знать, я видела этот метеор четыре года. Мы освоили уже все спортивные направления, которые возраст позволяет.

Руслан хмурится, а доча начинает широко улыбаться, что редко делает. Она у меня принцесса, только избранным разрешается находиться в ее окружении.

Перехватываю игрушку, чтобы она потом не оказалась облизанной ею.

А Еве та и не нужна, она, ничуть не смущаясь, протягивает Руслану ручку. У меня уже сердце стучит где-то в горле. Он неуверенно принимает ее ладошку в приветствии, пожимает. А меня слезы душат. Прячу лицо у макушки ребенка. Мне от насилия мужа не было так больно, как в этот момент. Я когда-нибудь осмелюсь признаться этому сильному мужчине, что у него есть дочь?

Вдохнув глубже, поправляю бейсболку.

– Извините, мы пойдем, ребенку спать пора, – охрипшим от эмоций голосом прощаюсь я с ним, хотелось бы думать, что уверенно.

– Прощайте, – кивает мне, как-то странно глядя на нас.

Из подъезда вышла чисто на автопилоте. И уже на улице опустила дочь на ножки. Проведя руками по лицу, закрываю глаза и дышу, глубоко, пока голова не начинает кружиться.

Мозг проясняется, достаю телефон и ищу приличное кафе или ресторан. Нам необходимо покушать. А уже на месте подумаю, что делать дальше.

ГЛАВА 9

Пока Ева кушает, я, помешивая кофе, сижу и раскладываю все по полочкам.

Бабушки нет, осталась квартира. Я здесь жить не собираюсь, меня работа ждет и налаженный быт за границей, значит, нужно продавать недвижимость. А этого за два дня не

сделаешь. Пока все бумаги соберу, а мне же еще и родство подтверждать предстоит.

Или оставить все как есть? Зачем мне лишние проблемы, которые могут обернуться лично для меня катастрофой? Рискую потерять работу с хорошим для эмигранта заработком!

А остаться — это значит... Руслан. Сердце до сих пор скачет, как после забега. Что это вообще было?!!!!!!!! Провидение? Как, черт возьми, они оказались соседями?! Ну, так же не бывает! С размаху угодить в прошлое. Думаю, и десять лет пройдет, я этой сцены на лестничной площадке не забуду. Дико страшно, ужас накатывает от мысли, что если мне придется провести здесь хотя бы неделю, он вспомнит. И в то же время сердце не поддается никаким увещаниям. Оно вновь обрело хозяина. Оно зовет, тянет к нему.

Нет никого, кто бы помешал нам с Аланом быть вместе, кого бы следовало бояться, кто мог бы угрожать мне или Еве. Только прошлое. Наше прошлое, которое гигантской пропастью легло между нами. Ни перелететь, ни, тем более, перешагнуть. А перепрыгивая, можно не суметь ухватиться за противоположную сторону и тогда... вдребезги, усеивая своими осколками дно пропасти. Остается лишь жить как можно дальше друг от друга, чтобы раны не ныли, а душа не рвалась на части.

Так и не придумав, как поступить с квартирой, я решаю вернуться туда и осмотреть ее. Твержу про себя, что хочу

лишь узнать бабушку ближе, посмотреть, как она жила. Я игнорировала подспудное желание еще раз встретить Руслана. И так понятно, что пока я в этом городе, оно меня будет преследовать.

Жутко трусила, когда мы с дочерью возвращались. Пока заходили в подъезд, пока поднимались, каждую секунду ждала, что сейчас появится ОН. Но нет, не встретился. Спокойно зашли в квартиру. Запах стоял, конечно, не из приятных. Немедленно открываю форточки на деревянных окнах, чтобы немного проветрить помещение.

– Ева, солнышко, ты сейчас посидишь на кухне, а я комнаты посмотрю, хорошо?– говорю, опустившись на корточки перед дочерью.

– Хорошо, мамаська,– отвечает мне, прижимая к себе игрушку.

– Я быстро,– целую в кончик носа.

Усадив ее на маленький диванчик в кухне, иду осматривать жилище. И словно попадаю в другую реальность. Нигде и никогда не видела такой обстановки. Комнаты небольшие, одна из них, видимо, спальней была: там кровать стоит с приличной такой периной. Но что больше всего позабавило, это пирамидка подушек на самой кровати. Там же стоял темного цвета шкаф, довольно низенький, по сравнению с современными. На стене у кровати еще и ковер развешен. Я сначала решила, что это какая-то картина, а когда уже зашла в комнату и, всмотревшись, поняла, ЧТО передо мной,

зависла. Зачем на стену вешать ковер?

Забавно еще и то, что во второй комнате аналогичное чудо также висело, правда, уже другой расцветки. Но больше всего мое внимание привлек шкаф, за стеклом которого стояли фотографии. Пока рассматривала, пытаюсь понять, где на них моя мать и есть ли она там вообще, сбоку раздался голос дочери:

– Ма-а-ам, я устала,– обиженным тоном выдает мое чадо, глядя на меня снизу вверх, поджав при этом губы. До жути напоминая молодого человека, что стал, возможно, нашим временным соседом.

– Зайчик, прости, мама задумалась. Пойдем баиньки, да?– опускаюсь перед ней на колени.

– Патем,– отвечает мне с зевком.

Уложить дочь спать и уже все основательно обдумать — это отлично, только куда ее здесь укладывать?

И я иду осматривать все шкафы. У бабули ведь много постельного белья должно быть. Не знаю, откуда такие мысли, но мне кажется, бабушки — это те еще «хомяки». В спальне нахожу то, что мне надо: новенький комплект постельного белья! Аллилуйя!

Застелив диван в зале, укладываю ребенка, заменив одеяло пододеяльником, сложенным вдвое. Благо, квартира теплая. Дождавшись, когда Ева уснет, иду на кухню. Набираю номер своего босса в онлайн, объясняю ему суть своей проблемы, как можно четче расставляя акценты. Прекрасно по-

нимаю, что меня могут уже прямо сейчас уволить, но все же надеюсь, что заслужила хоть немного привилегий и начальник не захочет терять исполнительного, честного и ответственного сотрудника.

Чудо, но мне идут навстречу: разрешают взять дополнительно три недели, но ни днем больше. Подозреваю, мой реальный отпуск после этой поездки нескоро наступит.

Теперь осталось разобраться с вещами. Они у нас остались в гостинице. Посмотрев по карте, где здесь есть салоны сотовой связи, я нахожу ближайший по адресу. Пока дочь спит, составляю себе список дел, с которыми необходимо справиться в первую очередь. Мой котенок сильно вымотался, поэтому проснулся уже ближе к вечеру. Накормив дочь тем, что пришлось взять в кафе «на вынос», я в который раз терзаюсь чувством вины. Да, раз уж ввязалась в эту канитель с недвижимостью, так надо срочно организовать с кухней. В Англии мы с ней разве что в кондитерские ходим, в основном же мой ребенок кушает только то, что готовлю я сама.

Наш поход по списку дел начинается с посещения салона связи. Взяв местную симку, штудирую информацию о местных нотариальных конторах. С чего-то же надо начинать. А еще связываюсь с отелем, в котором мы с Евой поселились, чтобы нам выслали наши вещи ближайшим рейсом. Да, ситуация несколько нестандартная, но учитывая, что оплаченными у меня были несколько ночей, а мы там провели лишь одну, то отель точно не в накладе. Мне же здесь надо что-то

думать, если себя я еще могу переодеть в вещи бабушки, то дочу мне переодеть не во что. Техникой в квартире пользоваться не стала, на вид она вся довольно старая, и я просто испугалась, что не справлюсь с ней. Да, побоялась облажаться, к сожалению, бабуля жила не на первом этаже.

Благо, что нам пока еще бежать никуда не надо было, а вещи должны скоро к нам прибыть. И мы, точнее я, решила не тратить время впустую и занялась освоением азбуки. Канцтовары нашлись, и мы засели с Евой за буквы.

На ужин пришлось также сходить в кафе, плита у бабули оказалась газовая. Что с ней делать, я не знала. Не идти же мне к соседу за консультацией. Его еще, как назло, слышно было, когда мы вышли на площадку. Вернее, голоса доносились из-за двери квартиры, в которой жил Руслан. Один из голосов был явно женский.

Пужинав, мы с Евой заходим в супермаркет и покупаем себе фрукты и минеральную воду на завтрак, а также умывальные принадлежности.

Когда возвращаемся, мне уши режут звуки секса из квартиры Руслана. Не понимая, кажется мне или я это на самом деле слышу, не только останавливаюсь, а даже подхожу к двери. С неверием глядя на нее, прислушиваюсь. Зачем? Чтобы убедиться, что у мужика нормальная, полноценная жизнь? Но стоит только уловить из-за двери реальный стон, меня буквально откидывает от этой преграды. Шокировано глядя на нее, я оборачиваюсь.

– Мамоська, а посему мы тут стоим?– интересуется мое чадо, нахмутив лобик.

– Солнышко, маме показалось, что кто-то звал на помощь. Все, уже идем чистить зубки,– радостно вещаю, открывая дверь бабушкиной квартиры.

Приготовившись ко сну, с трудом расправляю диван и застилаю тем же комплектом. Вдвоем мы точно не замерзнем, так что поисками одеяла не заморачиваюсь. Наконец-то раздев ребенка до трусиков, укладываю ее спать. Сама же снова иду на кухню, подумать.

Сев на подоконник, смотрю в темноту улицы, откинувшись головой на стену, прикрываю глаза. «Теряю контроль! Теряю!!! Как только на горизонте появляется Алан, я перестаю соображать, мной начинают руководить эмоции и чувства. А что самое паршивое — захлестывает ревность. И зависть к той, что получала сейчас любовь и ласку человека, которого я любила. Любила и считала себя недостойной его. Если хочу продержаться инкогнито, надо уметь держать себя в руках. Да, больше трех лет свободы расслабили меня, жила, ни на кого не оглядываясь. Но я же справлюсь? Обязана!»

Новый день нашего пребывания в Перми у нас начался с позднего подъема. В аэропорт за вещами нужно было ехать после обеда, поэтому я дала нам с Евой отдохнуть.

Вновь оглядев плиту, иду к соседям, к которым в прошлый раз не достучалась, если не повезет, подожду до вечера. В этот раз мне открыла довольно пожилая женщина. Не

знала, то ли радоваться, то ли ужасаться, сможет ли она мне вообще что-то объяснить.

Представившись, излагаю суть проблемы и уже через десять минут стою на кухне своей бабушки и «пытаю» ее плитку. Получилось, как ни странно.

Время позволяло сходить в магазин, чем я и решила заняться. Накормив ребенка, одеваю нас обеих. Идем закупаться самым необходимым, на первом месте списка — каша.

Да, сказать, что испытывала легкое чувство брезгливости, наверное, будет явным преуменьшением. Я старалась вообще не думать, надевая одежду, в которой приехала сюда. Выбора же нет. Ребенок вот нисколько не переживает, ей главное — Багзи рядом, заяц ее плюшевый.

Выходим из квартиры, и не успеваю я вставить ключ в замочную скважину, как открывается дверь квартиры за моей спиной. Квартиры Руслана.

– Здравствуйте, – разносится звонкое и мелодичное по лестничной клетке.

ГЛАВА 10

– Добрый день, – спокойно отвечаю, ускоряясь. Быстро закрыв дверь, оборачиваюсь лишь из чувства вежливости, намереваясь подхватить ребенка и свалить уже, наконец, из подъезда. Но пристальный взгляд девушки меня притормаживает. Чем заслужила — не понятно. Она меня прям подробно стала рассматривать, словно конкурентку оценивала.

Шаблонно улыбаюсь и, взяв ребенка за ручку, спускаюсь с Евой по лестнице.

«Милая, если бы ты знала нашу с ним историю, ты бы понимала, что я не столько угроза твоему счастью, сколько гарантия того, что он от тебя не уйдет».

Да и кто променяет яркую, живую, красивую девушку на серую мышь типа меня? Я уже давно не ношу ни платья, ни юбки, исключение бывает только на отдыхе: могу надеть сарафан. Весь мой гардероб — это джинсы и майки, а также толстовки с ветровками. Я уже забыла, что такое каблуки. Мне даже на работе не нужно их носить. Дресс-код отсутствует. А из всей косметики пользуюсь лишь бальзамом для губ.

Пока ходим туда-обратно, Ева развлекает меня всякими вопросами, и я почти забываю о своих грустных мыслях. До тех пор, пока мы, возвращаясь к нашему временному жилищу, не проходим через детскую площадку, конечно же, оборудованную качелями.

— Мамоська,— дергает меня за руку чадо, упершись в меня просящим взглядом. Да, качели — это наша слабость. Поставив сумки на землю, усаживаю Еву на сиденье и осторожно раскачиваю. Погода не особо теплая, поэтому надолго ее не хватает, ручки замерзают. Я разрешаю ей еще побегать по площадке. Усевшись на скамейку, жду, пока она все вокруг обползает.

Снимаю бейсболку и поднимаю лицо к небу.

«Когда же прошлое останется в прошлом?! Я же не смогу сказать ему. Да, хотела, правда, хотела сказать о дочери... не знаю, может, перед отъездом. Просто, чтобы знал, чтобы не оказаться конченной сукой. А теперь как? Зная, что у него есть девушка, возможно, они пожениться собираются, а тут я с дитем влезу. Не могу».

Размышления прерывает мое сокровище, что с размаху плюхается мне на колени и что-то лопочет.

– Что, милая?– еще погруженная в свои мысли, не могу понять, что мне старается донести ребенок.

Оказывается, она познакомилась с мальчиком, в сторону которого сейчас усердно тыкала пальчиком.

– Чудесно, теперь будет, с кем играть,– отвечаю дочери,– а сейчас нам пора идти, хорошо? Мы вечером придем, да?

– Дя!

Помахав мальчику на прощание, идем домой.

Сварив по-быстрому дочери кашку, кормлю нас обеих обедом, затем мы отправляемся, наконец-то, за нашим багажом. Довольно долго ездим. По дороге и туда, и обратно немало времени потеряли в пробках. В результате, до детской площадки уже не дотянули. Заполучив свежее белье, я отмываю ребенка от «дорожной пыли» и переодеваю. Накормив, укладываю спать. Сама занялась разбором вещей, решив пока оставить грязные без стирки, потому как стиральная машина до сих пор вселяла в меня ужас. Гоня мысли о Руслане, забиваю голову делами, продумывая в очередной

раз, что будем делать завтра. А на завтра у нас очень много дел.

С перерывом на дневной сон мы ездим по городу, собираем бумаги или делаем запросы. И если я к вечеру уже выжата как лимон, то доча еще рвется на площадку. Испытывая чувство вины за такое совсем не детское времяпровождение, кормлю ее, и мы идем гулять.

Пришлось озаботиться вопросом родства, а точнее тем, был ли еще кто-то в семье моей матери. Братья, сестры? Если выяснится, что кто-то есть, это сильно усложнит мою миссию. А я очень хочу покончить с квартирным вопросом как можно быстрее. Уже решила, что продажей будет заниматься риэлтор, как только разберусь с бумагами, отдам на продажу и уеду. Я не обратила внимания на шум с улицы, когда мы с Евой подходили к двери подъезда. И поэтому нос к носу столкнулась с Русланом и его... девушкой. Он шел первым, потому расстояние между нами оказалось минимальным.

Я даже извиниться не смогла, у меня дыхание не то что перехватило, оно просто пропало. Как будто кто-то душить начал, резко ухватив за горло. Пары мгновений хватило, чтобы в его глазах заметить искорки узнавания. По расширяющимся зрачкам стало понятно: меня почти раскрыли.

В отчаянии мотаю головой: «Пожалуйста, не надо».

– Ой, извините, – снова этот звонкий голос, дрелью всверливается в повисшую тишину.

– Да, простите, – отрывисто и сипло отвечаю, подхватив

ребенка на руки, и проскальзываю мимо парочки.

Выйдя из подъезда, так и иду с Евой на руках, только на площадке «пелена» спадает. Отпустив дочь, падаю кулем на скамейку. «Какие шансы, что мне показалось? Какие шансы, что он не придет сегодня счета сводить? Никаких».

Сосредоточив все свое внимание на дочери, которая перемещается от элемента к элементу, я все же упускаю момент, когда она падает. Основательно так падает, замаравшись едва не во весь рост. Но не плачет, а смеется, да, ей весело. Извалялась хрюшкой и веселится. Отчищаю ее, насколько возможно, с помощью салфеток. Идем домой.

Стащив с ребенка всю грязную одежду, бросаю ее в кучу того, что уже приготовлено к стирке. И посмотрев на все это безобразие, понимаю: знакомства со старым стиральным агрегатом уже не избежать. Вещей я много не брала, и чистые детские скоро закончатся.

Проведя все водные процедуры, мы заваливаемся спать. Завтра предстоит продолжение забега.

Дел так много наваливается, что даже дневной сон приходится пропустить. Хотя дочь и не жалуется, но меня все больше грызет совесть. И потому, как только заканчиваем с делами, идем кушать в кафе, а потом едем в ТРЦ с детской игровой комнатой. И ребенок набесится, и замараться негде.

Возвращаемся домой. Все, на что меня хватает, это попить чаю и дать ребенку фруктов.

Отправив дочь спать, иду в ванную. Пятнадцать минут ду-

ша вернут меня к жизни. Замотавшись в полотенце, выхожу из комнаты, и тут мой взгляд падает на кучку грязных вещей.

«Блин, все-таки надо постирать», – проносится в моей голове. Сходив за домашними вещами, переодеваюсь и приступаю к освоению древней техники. И вроде даже получается, процесс пошел, однако, видимо, как-то неправильно пошел, потому что из стиральной машинки хлынула вода.

Вот зачем мне понадобилось связываться с этим железным чудовищем?! Наверное, техника только и ждала меня, чтобы сломаться в самый ответственный момент: во время полоскания.

В панике я побежала к Руслану, то есть, к своему соседу по площадке. В голове уже цифры шелкали, подсчитывая размер ущерба соседям снизу. Поэтому даже подумать не успела, что он может оказаться не один.

ГЛАВА 11

А вот когда открыл дверь (да, я была очень настойчива) и предстал передо мной в расстёгнутых джинсах и с голой грудью, потеряла дар речи.

– Там, – машу рукой в сторону открытой двери своей квартиры. Все, на что меня хватило.

Смотрит испытующе, жёстко, а потом все же идёт мимо меня в квартиру. Я подрываюсь следом и несусь к ванной комнате.

– Вот... машинка сломалась, – говорю я, стоя в луже воды. Он, вообще не глядя на меня, осматривает машинку и

приступает к ее реанимации. А я бросаюсь на ликвидацию потопа. Задействовав все тряпки, какие были, затираю свое "море" и жду, когда Руслан разберётся со стиралкой.

Меня отвлекает всхлип Евы, уйду к ней в комнату проверить, все ли в порядке. Вернувшись обратно, застаю соседа уже у входной двери.

– Вы уже уходите?– окликаю с мыслью, что, наверное, рассчитаться бы надо. Я ж человека оторвала от чего-то, личное время отняла.

Оборачивается ко мне и прибавляет взглядом. Нехорошим таким, презрительным. Ядовитым.

Спохватываюсь, думая, что мой внешний-то вид тот ещё, слишком «домашний». Я уже ко сну переоделась, когда меня понесло стирать кое-какие вещи. Та на хрен бы они мне сдались!!!

В голове проносится ураган мыслей.

А сосед все смотрит. И вот тогда я окончательно понимаю, что меня раскрыли, что это полный провал.

– Алиса? Это все-таки ты?– холодный, просто арктический тон, заставляющий обхватить себя руками в попытке согреться. И не вопросом звучит — обвинением в самых тяжких грехах.

– Давно понял?– с упавшим сердцем спрашиваю, опустив глаза, хотя и так знаю. Как же мне сейчас холодно.

– Так, были подозрения. Что ты здесь забыла, да ещё и с ребенком?– спрашивает суровым тоном, по интонации слы-

шу: сочувствия мне от него не дожидаться. Не в этой жизни, по крайней мере. Впрочем, я и не жду, не рассчитываю на прощение, знаю, что виновата.

– Как видишь, занимаюсь недвижимостью,– развожу руками в стороны, демонстрируя квартиру,– не могла же я ещё в первый день тебе заявить, что внучка приехала с бабушкой повидаться. Вообще не было цели афишировать свое родство, перед кем бы то ни было.

– Меня это мало волнует. Больше интересует, когда ты отсюда уберешься,– сколько яда в его голосе: рыдать хочется, так больно, что утратила все тепло его души.

– Скоро, как только получу деньги за квартиру, сразу уеду. Поверь, я не планировала находиться здесь больше недели. Меня и отпустили только на пару недель,– вот какого черта оправдываюсь и что-то объясняю?! Ему же безразлично. Стоит, смотрит на меня, как на грязь болотную: брезгливо и с отвращением. Не желая даже касаться, чтобы, не дай бог, следов не оставила.

– Тебе верить, себя не уважать,– цедит сквозь зубы,– и знаешь, мой тебе совет, съезжай ты лучше в гостиницу. Не испытывай мое гостеприимство.

– Хорошо,– как можно более спокойно отвечаю,– приму к сведению,– у самой же все дрожит и ноет внутри от таких слов. А я думала больше, чем тогда, три года назад, мне уже быть не может.

И добавляю, сама не знаю зачем. Может, чтобы хоть

немного повиниться перед человеком, которого не переставала любить уже почти десять лет. Ведь столько «долгов» перед ним на моей душе тяжким грузом висело, что удивительно, как я с ума не сошла от такой ноши.

– Я понимаю, что ты очень зол на меня. Имеешь полное право...

Меня обрывают, жёстко прижав к ближайшей стене.

– Ты нихуя не знаешь!– шипит мне на ухо Руслан.– Не представляешь, как я жил все это время!– встряхивает так, что прикладываюсь головой.

– Прости,– я готова разрыдаться, потому что хожу по краю. Шаг — и я не в адеквате. Рядом с ним эмоциональная защита никогда не работает. Все нервные окончания разом с ума сходить начинают. Закусываю нижнюю губу в тщетной попытке справиться со слезами.

– Всего лишь прости?– ядом мне под кожу.– Тебе не кажется, что этого слишком мало?

Выбитая из колеи его близостью, я не уловила намека двусмысленности, ничего не распознала, ухватившись за предложенный шанс. Была готова на все, лишь бы только услышал меня.

– Что мне сделать, чтобы ты позволил объясниться?– гляжу на мужчину с мольбой. Открыто, забыв о слезах, на минуточку допустив мысль, что проявит великодушие, простит меня, идиотку бесхребетную. Что, быть может...

– Придумай, ты же предприимчивая девушка,– смотрит

на меня так, как никогда не смотрел. Потребительски и хамски. Трахающим взглядом.

Но нет.

«Ладно, если это поможет»,— думаю я про себя.

Для меня никогда не было проблемой впустить его. Я всегда чувствовала себя комфортно и уютно в его объятиях.

Прикрыв глаза, прижавшись вплотную к его телу, встаю на носочки. Чувствуя скрытую мощь его силы, понимаю: счёт у меня на секунды пошел. Руслан может в любой момент меня оттолкнуть и послать очень далеко.

Приникаю поцелуем к его губам, и, кажется, с первого же касания теряю контроль над собственным телом и разумом. Я так давно не целовалась. Но мужчина только лишь позволил мне углубиться, как тут же оттолкнул. Грубо, так, что снова затылком приложилась.

— Не впечатлила. Опыт подрастеряла? Шлюха из тебя так себе,— едкое и жесткое обрушивается сверху.— Вали отсюда, иначе устрою тебе проблемы, не доберешься до своего олигарха. Дерьмо кушать заставлю, так и знай.

И я не сдержалась. Мою плотину прорвало. Заревела, громко так, навзрыд, сотрясаясь всем телом, и сползла по стене на пол. Сквозь всхлипы раздался щелчок двери.

Руслан ушел!

Зарыдав ещё сильнее, я и вовсе ложусь на пол, подтянув колени к груди. Выпадаю из реальности. Прихожу в себя от шлепков маленьких ладошек по ноге.

– Мамиська!– голос дочери звенит от ужаса.

Черт, ребенка напугала своим воем. Собрав себя в кучу, сажусь на пол, и обняв дочь, прижимаю к себе. Глажу по спинке.

– Все хорошо, моя принцесса. Скоро мы уедем отсюда. Вернёмся домой.

Встаю с ней на руках и несу в комнату, укладываю. Уже хочу лечь рядом, когда вспоминаю, что дверь я так и не заперла.

Не закрывая комнату, проверяю входную дверь и возвращаюсь к дочери. Ложусь рядом и, уткнувшись носом ей в макушку, засыпаю.

«Утро вечера мудренее»,– гласит старая поговорка, наверное, так и есть. По крайней мере, утром мне не хотелось рвануть в аэропорт, теряя тапки. Вместо этого я решила, что Руслану придется потерпеть меня. Мы не настолько часто пересекаемся, чтобы я могла коснуться его пространства. Только теперь, выходя из квартиры, я по напряжению в воздухе могла смело сказать, дома он или нет. Реально! Меня словно током подергивало.

Время шло, вопрос с наследством должен был вот-вот решиться. Не без печальных новостей, увы. Оказалось, у матери была старшая сестра. Разница в возрасте небольшая, всего пара лет. Так вот она (то есть, получается, моя тетя) разбилась с мужем на машине. Да, это сильно облегчало процесс оформления имущества, но я расстроилась. Выходит, у

меня родни вообще нет. Или надо потратить не один месяц на поиски двоюродных и прочих. Эта мысль запала в душу. Вернусь домой, займусь.

И вот я наконец-то получаю документы. Мы с Евой с утра отправились за ними, и к обеду освободились. Перебирая в уме, что мне еще осталось сделать, иду, болтая с дочерью, вернее, отвечая на ее вопросы. Я уже наметила дату отъезда, и от этого настроение в разы поднялось. Меня угнетало то давление, которое создал Руслан.

После случая со стиральной машинкой мы виделись один раз. На площадке между этажами столкнулись. Я думала, меня испепелит его взгляд, кажется, даже сердце замедлило свой размеренный ритм. Это было страшно, видеть любимого человека, который готов тебя растерзать. А взгляд говорил именно об этом, он убивал.

Запищал телефон, и я остановилась, на минутку выпустив ручку дочери из своей, чтобы достать гаджет из сумки. Сегодня была просто сказочная погода, впервые с момента нашего приезда светило яркое солнце, наверное, погода радовалась вместе с нами, зная, что скоро уедем отсюда, решила погреть нас на прощание. Положив ладонь Еве на головку, смотрю входящий номер, но из-за яркого света не могу разобрать.

– Солнышко, постой рядом, – говорю я дочери и чуть поворачиваюсь корпусом от солнца.

Этого оказалось достаточно.

Мгновение — и мои барабанные перепонки разрывает визг дочери, а следом — шум колес по асфальту. Забыв о телефоне и первые секунды ориентируясь только на звук, взглядом цепляюсь за серую раздолбанную тачку.

ГЛАВА 12

Бегу, что есть сил, за машиной. Корыто корытом, а ездит на удивление быстро. Упав на колени в пыль, смотрю вслед машине, пока она с горизонта не скрывается.

Почему они ее украли, а главное — зачем?!!

Ведь мы здесь никого не знаем, нас в России столько времени не было! Как вообще кто-то может вспомнить, как выглядит жена Загряжского?!

Что самое удивительное, прохожих нет: разгар дня, а на улице — никого. Помощи ждать не от кого. Открыв карту города (чудо, что телефон так и остался зажатым в ладони), нахожу ближайшее отделение полиции и, взяв себя в руки, бегу туда.

Заявление у меня принимают достаточно активно, спасибо английскому паспорту.

После того, как я передаю следователю всю информацию, а это только лишь номер и марка машины похитителей, меня отпускают домой.

Едва я выхожу из отделения, как сотовый раздражается мелодией. Номер не определяется, предчувствуя плохое, принимаю вызов.

– Ребенка можешь не искать, в полицию обращаться не

стоит. Дочь вернулась в семью отца, где и должна быть!— грубый низкий мужской голос вываливает на меня эту информацию и отключается. А я остаюсь стоять у дверей полиции.

Оглядываюсь на здание в растерянности и уже просто впадаю в ступор. "Мне нужен Руслан!"— накрывает меня гениальной в своем идиотизме мыслью.

— Да, отлично, а где его сейчас взять?!?! Разгар рабочего дня!— спорю я сама с собой.— И ты не думала, что надо будет ему объяснять слишком много всего, чтобы он стал что-то делать?! Что он не будет действовать ради чужого ребенка, к тому же твоего! Если я сейчас пойду забирать заявление, меня не сдадут в посольство, как неадекватную?

Устав от метаний, делаю то, что подсказывает мне сердце. Направляюсь в спортивную школу, которая ближе всех к дому. Решаю начать поиски Руслана с нее. Это единственная ниточка, за которую я могу потянуть, чтобы найти Стародумова как можно скорее. Ловлю машину и называю адрес.

Дорога занимает пять минут езды, но меня трясет уже настолько сильно, что, кажется, едем бесконечно. Расплатившись с водителем, выхожу и пару мгновений смотрю на здание, стоящее передо мной.

Мне страшно открыто встретиться с Русланом, только страх за ребёнка в разы сильнее и он мной руководит, толкает вперёд.

Захожу внутрь, меня сразу тормозит вахтёр:

— Девушка, вы куда?

– Мне нужен Руслан Стародумов,– вежливо отвечаю и замираю всем телом, не зная, что мне ответят.

– Чемпион?– тепло улыбается.

– Да,– робко, не веря, что все так легко получается.

– До конца по коридору направо.

И все? Вот так просто?! Топчусь на месте, а потом срываюсь на быстрый шаг. В кабинет я уже влетала, здравый смысл отступил под натиском материнского инстинкта. Вбежала и пока не увидела Руслана, не остановилась.

И едва не заработала грушей по лицу. Он тренировался в наушниках и не слышал моего бурного появления. В тот момент, когда я остановилась напротив него, он ударил по груше.

К счастью, моя реакция оказалась быстрее, чем скорость полета тренировочного снаряда, и я успела его перехватить. Правда, едва устояв на ногах. Наступила тишина, даже дыхания не было слышно.

Руслан первый вышел из оцепенения и, подскочив ко мне, отнял грушу.

– Ты ненормальная совсем?! Нахуя лезешь, не видишь, человек тренируется?!!!!

Видимо, я все же ненормальная, потому что испытала острый приступ возбуждения, увидев его, потного и взъерошенного.

– Алиса!– рявкает грозно.

– Мне очень нужна твоя помощь,– выпаливаю я, глядя

ему в глаза с откровенным отчаянием.

– Что ты хочешь?– с непонятной интонацией спрашивает. Словно пытается определить, чем это может обернуться для него.

– Руслан, у меня украли ребенка,– силы меня оставляют, и я просто падаю на пол. На колени. Перед ним.

– И чем я должен тебе в этом случае помочь? Сходить с тобой в участок?– его голос, грубый и холодный, давит мне на плечи, прижимая к полу еще сильнее.

– Нет, я уже была там,– со слезами в голосе отвечаю, закрыв лицо руками.

– Алиса!– снова рыком на меня.– Зачем ты пришла ко мне?!

– Я не знаю что делать,– уже реву,– они... они звонили, сказали, что мне в полицию нельзя. А я уже заявление написала. Я машину запомнила.

– Написала? Ну, так и сиди, жди, когда найдут.

Медленно отнимаю ладони от лица.

– Ты не понимаешь,– кричу на него,– ее украли те, кто до сих пор наследство делит! Думают через дочь занять правление. Они мне так и сказали: девочка вернулась в семью.

– Алиса,– стальная интонация заставляет волосы встать дыбом,– меня меньше всего интересуют проблемы вашей семьи,– делает ударение на слове «вашей»,– и если я разговариваю с тобой, это не значит, что я все забыл, простил и готов дружить,– каждое слово хуже удара хлыстом, потому что

попадает прямо в сердце.

– Руслан, я отдаю себе в этом отчёт сильнее, чём ты можешь представить. Только сейчас мне действительно нужна твоя помощь. Я хочу консультацию юриста по вопросу следования. Иначе свою дочь больше не увижу.

– Хорошо, с юристом я тебе помогу. Надеюсь, потом ты исчезнешь из моей жизни?

– Как только верну дочь, сразу же улечу из России. Больше меня здесь ничего не держит, – «кроме тебя», – добавляю я мысленно, – так что это, вроде как, даже выгодно тебе, помочь мне. Быстрее исчезну с твоего горизонта.

Договариваю сухо, по-деловому, не глядя на него. Замолакаю, перетерпывая боль внутри, которая разъедает меня. Ничего, я это переживу, у меня есть Ева, и больше мне никто не нужен.

– Домой иди, будет информация, дам знать, – цедит сквозь зубы.

Поднимаю на него глаза:

– Спасибо. И да, Руслан, ведь ты же не думаешь, что я специально сюда приехала, портить тебе жизнь, – смотрю на него примиряюще.

– Не думаю. Я знаю, что любое столкновение с тобой грозит мне неприятностями. Ты сама по себе источник моих бед. Все, скройся с глаз моих.

Отворачивается, показывая всем своим видом, что более он меня терпеть не намерен.

ГЛАВА 13

И я ухожу. Домой. Иду пешком, погруженная в мысли. И хоть дорога не дальняя, кажется, всего пара кварталов, но я едва не попадаю под машину. Визг тормозов и удар под колено заставляют встряхнуться.

А выскочивший из машины водитель орет так, что я и о Руслане забываю, все мысли разом концентрируются на дочери. Она впервые в жизни оказалась без мамы. Как она там?

Добравшись до квартиры, начинаю метаться в ней, как тигрица, у которой детенышей украл бродячий цирк. Больно, от полнейшего одиночества накрыло жесткой паникой. Я четко понимала, чем сейчас станет моя дочь: разменной монетой. Смутно припоминая, что муж порой вел себя загадочно, теперь начала догадываться, что связано это было, скорее всего, с его семьей, о которой я вообще понятия не имела. Их ведь не было даже на свадьбе. Что эти личности собой представляли, если у них получалось напрягать самого Загрязского?! Страшно подумать. А может, у них уже тогда начался раздел бизнеса?

Только это неважно, я вообще не желала касаться денег Игоря, а моя дочь даже знать не должна, что имеет к этому роду какое-то отношение.

Подключать сейчас Тагира? А если этим шагом сделаю только хуже? С ним вообще никаких гарантий быть не может. Еще возьмет и сам выкрадет ребенка! От этой мысли к горлу подкатывает желчь и меня начинает тошнить.

– Нет! Нет-нет-нет!!!! Господи, нет,– сбивчиво шепчу, вцепившись пальцами в волосы. Продолжаю метания по комнате.

Наткнувшись во время ходьбы на диван, шлепаюсь рядом с ним прямо на пол. Глаза совершенно сухие. Уставившись в одну точку, жду. И только когда темнота спускается и затапливает квартиру, погружая ее во мрак, «просыпаюсь».

– Я должна пойти к Руслану. Пойти и рассказать о дочери. Он не сможет отказать в помощи, признает ее, и тогда все будет хорошо,– рассуждаю вслух, не знаю зачем, я вообще плохо соображаю. Мной руководит только желание вернуть своего ребенка. Больше ничего.

Встаю и на шатких ногах иду в ванную, осмотрев себя в зеркале, морщусь. Видок тот еще. Жалкий и убогий. К тому же я еще в «уличной» одежде, даже не разделась, когда домой пришла.

А впрочем, какая разница?! Мне его не соблазнять!

«У кого вообще желание возникнет, имея перед глазами такую меня?»– мелькает еще одна идиотская мысль, заставляющая истерически хихикнуть.

Вцепившись пальцами в край раковины, опустив голову, зажмуриваюсь. Часто дышу и, резко выдохнув, поднимаю взгляд на зеркало.

– Нет времени ждать! Я должна пойти к нему!– говорю своему отражению.

Стиснув зубы и расправив плечи, выхожу из ванной, оста-

навливаюсь перед зеркалом в прихожей, еще раз оглядев себя, отправляюсь в комнату. Хочу переодеться, мне в этих вещах даже дышать тяжело. Сменив уличную одежду на домашнюю, стремительно выхожу из квартиры. Встав на пороге, смотрю на противоположную сторону и ощущаю нештучную дрожь в теле. Меня просто трясет, так что приходится обхватить себя руками. Делаю шаг вперед.

Стою перед дверью его квартиры. Зажмурившись, жму на кнопку звонка. Я боюсь, бесконтрольно и безотчетно. Боюсь, что не поверит, что выгонит и вообще сдаст меня в полицию, потому что преследую его. И тогда я останусь вообще одна.

Один на один со своей бедой. Без своей дочери.

Когда слышу звук открывающегося замка, медленно приподнимаю веки. Руслан стоит напротив меня, упершись рукой в косяк, подозрительно блестя глазами. И снова обнажен, к счастью (не знаю, для кого) темнота мешает рассмотреть, совсем раздет или нет. Он молчит, глядя на меня исподлобья, а я мнусь в растерянности.

Оглядываюсь вокруг и только вот сейчас понимаю, что время позднее. Что уже если не ночь, то поздний вечер точно.

– Зачем ты меня мучаешь, Алиса?

Вздрагиваю от его низкого хриплого голоса. Мой же, кажется, отказал. Или связь с мозгом потеряна. Не могу и рта раскрыть.

Поднимаю взгляд, и что-то в этот момент щелкает в моей

голове. Какой сдвиг происходит? Видимо, я все же сошла с ума, потому что делаю шаг вперед и оказываюсь очень близко к нему.

В мыслях — кутерьма и полнейший хаос. Понимаю, что не имею права так поступать, и все равно хочу. Знаю, что сделаю. Это нехватка секса в организме так на мозг влияет?! Сейчас я саму себя боюсь.

– Ты что делаешь?– спрашивает мужчина, опасно, вкрадчиво, как притаившийся тигр.

Молчу и делаю свое "грязное дело". Соблазняю. Касаюсь руками сначала груди, ловя пропущенный удар сердца. Поднимаюсь выше, медленно смакуя давно забытые ощущения. Руслан буквально каменеет под моими ладонями, и едва я успеваю обхватить его плечи, как он перехватывает меня за запястья и сжимает до боли. Совсем не играючи и нежно.

Затягивает в квартиру и с разворота прижимает к стене. Захлопнувшаяся дверь погружает нас во мрак. Только ровное дыхание, жар тел и запах. Инстинкты обостряются до критической отметки.

– Ты хочешь секса?– грубо мне на ушко, прихватив попутно мочку. Больно, но его близость была лучшим обезболивающим.

– Да-а,– выдыхаю уже ему в рот. Тело само выгибается, просится в объятия.

– Что, никто из партнёров твоего хачика не заинтересовался вдовушкой? Ай-яй-яй, оставили молодую, красивую

без внимания. Как же так,— говорит, точно в дерьме купает, и параллельно блуждает горячими ладонями по телу.

Я хочу убежать от унижения, от его грубости и не могу, стоило бы задуматься, почему он меня сразу не прогнал. Ведь мог? Или нет? Но не до того мне: я впервые заполучила Руслана в полное свое распоряжение, и все мои чувства к нему во главе с гормонами взяли верх над моими страхами, осторожностью и рассудком.

Не отвечаю, действую. Наконец-то определяю, был он обнажен, когда открывал дверь, или нет. Соприкоснувшись обеими ладонями с голой кожей его ягодиц, в порыве возбуждения впиваюсь в них ногтями, заставив его зарычать от боли.

Тут же перехватывает мои руки и резким движением задирает вверх, жёстко зафиксировав над головой ладонью. У меня и до этого было все мокро между ног, а сейчас я очень явственно чувствую, как начинает стекать по внутренней стороне бедра.

— Ты вирус,— шипит он мне в губы, склонившись низко к моему лицу,— и я найду противоядие, чего бы мне это не стоило. Я излечусь от тебя, от этого наваждения.

Пригвождает меня свободной рукой за шею к стене. Должна чувствовать боль, наверное, а я только сильнее завожусь. И он тоже, я чувствую его эрекцию.

Делает вдох у виска, секунды без движения, и затем находит мои губы. Никакой нежности, ласки, мягкости. Вгрыза-

ется, засасывает, кусает, кажется, даже до крови: чувствую, как металлический привкус добавляет соли этой дикости между нами. Я и сама не более нежная, захватив его язык, посасываю его как одержимая, прижимаюсь низом живота.

– Ненавижу, – выдыхает мне в рот, глядя в глаза. Спасибо темноте, не вижу всего спектра его эмоций. Но прекрасно чувствую, как его разрывает от желания и ненависти. Реактивный коктейль. У самой не лучше: чувство вины, презрение к своей похотливой натуре и осознание того, что последует за этим буйством гормонов. Желать его сейчас неправильно, аморально по отношению к дочери, но я до смерти хотела Алана именно в эти минуты. Почему? Потому что больше возможности не представится.

Я сука.

– Знаю, – отзеркаливаю Руслана. Не могу ждать, опустив руку вниз, касаюсь его плоти, я настолько голодная до него, что едва сама не насаживаюсь на член. Заторможено понимаю, что пижама все ещё на мне. Скулю, ерзя по его торсу.

– Ненавижу, – уже громче и чётче, но с такой мукой похоти чеканит, что у меня мышцы лона вибрировать начинают.

– Просто секс, Руслан, здесь темно, давай сделаем вид, что не знаем друг друга, – несу бред, ведь мозг давно в состоянии желе. Я сейчас в убийстве принцессы Дианы признаюсь и даже не пойму этого.

– Больная, идиотка... и я не лучше, – роняет голову мне на плечо, обрушивая кулак на стену рядом с моим плечом.

Он мог бы попасть в меня?

– Руслан,– выдыхаю ему на ухо, утыкаясь носом ему в висок. Дышу им, мурлыча, как кошка от валерьянки. Ладонями скольжу по этому до боли желанному телу. Мужчина весь каменеет.

ГЛАВА 14

Столько лет...

Не ощущать его, не слышать, не чувствовать его жар, не вдыхать его запах. Вот что есть наказание, вот что есть кара. Без его тепла, любви и ласки я была все это время заморожена. Сердце билось исключительно ради Евы, только она задавала частоту пульса.

Сейчас я словно через экспресс-разморозку прошла, кровь так вскипела, что голова закружилась. И сердце стучало столь часто и сильно, билось о грудную клетку, причиняя боль.

Он снимает меня с себя, и с пугающей скоростью стягивает шортики пижамы. Не озадачиваясь более никакими предметами одежды, возвращает меня на место, пройдясь горячими ладонями по обнаженным ягодицам, сминая их пальцами, задевая при этом мою плоть, заставляя резко выдохнуть, откинув голову назад. Едва наша плоть встречается лёгким касанием, в темноте раздаётся громкий рык, а по моему телу проходит "шаровая молния". Кажется, я кончила.

Слабо отдавая отчет в своих действиях, подаюсь вперед и, притянув его за шею, целую. Так, как мне этого хочется. Он

не отвечает, просто игнорирует мой порыв, не касаясь меня. И мне уже кажется, что вообще сейчас меня бросит прямо здесь на пол и уйдет.

Отпускаю его, приготовившись перейти к разговору, наверное, пора заканчивать ночь сумасшествия и признать, что я ему безразлична. Ничего не было, совесть чиста. Почти, но я точно никому об этом не расскажу.

А Руслан удивляет... шокирует.

– Твою мать,– шипит он и тянется за мной, а потом и вообще обхватывает сзади шею ладонью, касается моих губ своими. Оглушающе нежно, на секунду. Потому что я срываюсь и утягиваю его за собой. По прихожей просто разливается симфония звуков слияния губ, всхлипов и частых вздохов.

– Алан, пожалуйста,– шепчу ему в губы,– пожалуйста,– зарывшись пальчиками ему в волосы, царапаю короткими ногтями кожу головы.

– Ты этого хочешь?– шепчет в ответ, качаясь в меня, входя чуть-чуть. Дразнит.

– Да,– вырывается рыдание, бедра непроизвольно качаются навстречу.

– Хочешь?– еще одно движение, позволяющее ощутить его, но не заполучить.

– Да!– тяну его за волосы, кусая за губу.– Возьми меня,– шепчу ему уже на ухо, обдавая дыханием.

По его телу прокатывается ощутимая дрожь, а из груди вырывается низкий рык.

– Тогда держись,– последнее, что он говорит прежде, чем заполнить мое лоно. И не давая мне и секунды прийти в себя, качается все быстрее. Шлепки тел и тяжелое дыхание в темноте маленького пространства слышатся очень громко.

Меня силы покинули до обидного быстро, и я просто висела на Алане. Его это не устроило, он, опустив меня на ноги, развернул спиной к себе и надавил на плечи командую опереться о стену. Едва я успела расставить ладони на поверхности, как он протаранил меня. И снова бешеный темп: не особо мужчина заботился о моем удобстве. Закрадывается подозрение, что он таким образом наказывает меня, только эта мысль не задерживается и на пару секунд. Ее смывает волной экстаза, что прокатывается по моему истерзанному воздержанием телу с силой штормовой волны, не меньше.

К счастью, Алана тоже надолго не хватает, он кончает следом за мной. Не так обидно.

Перевожу дыхание и вспоминаю, кто я и где нахожусь, стоя все так же спиной к Руслану.

– Все, свободна,– прилетает отстраненно и сухо, словно хорошая такая оплеуха.

– Что?– хриплым шепотом переспрашиваю, заторможено поворачиваясь лицом к нему. Мозг включаться не желает, и я смотрю на Алана.

– Ты пришла потрахаться. Получила? Все, свободна, говорю. Женщина, освободите жилплощадь,– указывает рукой на дверь. Знала бы, где здесь включается свет, уже врубила

бы! Какого черта?! Его голос такой мертвый, после такого феерического секса...

«Или это только для меня он таким был?»— стучится мысль.

— Алан, я не...

— Меня зовут Руслан,— резко и жестко обрывают меня на полуслове,— запоминать не предлагаю, ты же скоро уезжаешь. Алиса, у тебя две минуты на то, чтобы уйти из моей квартиры,— пугающе вкрадчиво сообщает мне.— Время пошло.

Разворачивается и уходит куда-то, скрываясь за дверью.

Ощущая промежностью дуновение сквозняка из подъезда, нашариваю часть своей пижамы и натягиваю ее.

«Ладно! Ты хотел меня отыметь во всех смыслах, ты это сделал! Долг частично погашен»,— сжав ладони в кулаки, стиснув зубы, не позволяю себе разреветься. Эмоции потом. Потом я утоплю себя в слезах, когда буду одна в ванной.

Почти наощупь продвигаюсь в том же направлении, куда ушел Руслан.

Распахнув дверь, на секунду торможу от вида обнаженного мужчины. А комната оказалась ванной, и он стоял в душе. Стоял боком ко мне. Прикрыв глаза, прогоняю из своего сознания этот соблазняющий вид и произношу чуть ли не скороговоркой, как будто перед казнью слово дали.

— Алан,— сама не поняла, как назвала его, не поняла, что снова сорвалась в своих эмоциях,— ты должен поехать со

мной в Москву и сделать анализ ДНК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.